

ДОКТОР ИВАНЫЧ

НОВЫЕ БАЙКИ СТАРОГО ПСИХИАТРА

Популярный блог
на Яндекс Дзен «Ужасно злой доктор»
Более 80 тыс. читателей

Доктор Иваныч

Новые байки старого психиатра

Серия «Звезда соцсети»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69340621
ISBN 978-5-17-156487-2

Аннотация

Погрузитесь в мир будней врача-психиатра. «Новые байки старого психиатра» расскажут вам о самых разных и курьезных случаях и пациентах. Истории из первых уст!

«Новые байки старого психиатра» – продолжение полюбившихся «Баек». Вас ждут новые истории о врачебных буднях, ночных вызовах и многом другом.

Еще больше юмора и баек!

Содержание

Записки врача-психиатра скорой	5
«Молодые» психозы	5
Человеческий облик	23
Беспокойный День знаний	40
Чудесная смена	56
Слабоумие и отвага	74
Загадочный пациент	91
Безумный психиатр	108
Ошибаться в людях бывает приятно	125
Кайфовые выходные	145
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Доктор Иваныч Новые байки старого психиатра

© Доктор Иваныч, текст, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Записки врача-психиатра скорой

«Молодые» психозы

И вновь жара с духотой одолели. Дождей даже и не предвидится. Синоптики дали неутешительный прогноз: это погодное непотребство продлится до конца августа. На работу я шел с чувством досады. Нет, не из-за погоды. Просто еду взять забыл. Хватился только когда уже на остановку пришел. Ладно, мне же не сутки дежурить, по пути куплю чего-нибудь.

А на Центре обычная утренняя суета, очередь за наркотиками, будто за товаром в распродажу. Двое старших фельдшеров выборочно проверяют укладки, точнее, их санитарное состояние и сроки годности лекарственных препаратов. А отсюда и нервность у некоторых медиков. Еще бы, ведь за обнаруженную просрочку или антисанитарию можно и стимулирующих лишиться. Хотя, с первого раза, администрация никогда не зверствует.

Из-за очередного приступа самодурства любимого шефа, собрались увольняться все три специалиста по закупкам. А началось все с того, что главный разродился высочайшим повелением: отныне и навеки закупать медицинские изделия только тех марок и моделей, которые нравятся медикам. Казалось бы, ничего плохого здесь нет. Ну зачем, спрашивается, закупать изделия на букву «Г», если от них одни только проблемы?

Но все дело в том, что в бюджетных учреждениях любые закупки проводятся исключительно через аукционы. Нельзя просто так взять и приобрести то, что нравится. Для проведения аукциона на специальной интернет-площадке размещается задание с техническими характеристиками изделия. При этом категорически недопустимо указание конкретной марки. Это является грубейшим, страшнейшим нарушением антимонопольного законодательства. Нет, за такое, конечно же, не расстреляют и даже не посадят, но оштрафуют так, что мало не покажется. Далее, не менее трех потенциаль-

ных поставщиков дают коммерческие предложения, после чего проводится сам аукцион. Победителем будет тот, кто предложит самую низкую цену. Это я вкратце рассказал, а в действительности такая процедура намного более сложная и длительная.

Но ведь главный-то не первый день пришел на руководящую должность. Знает прекрасно всю эту закупочную кухню. И тем не менее приказал в категоричной форме. Пытались ему на пальцах разъяснить, что так дела не делаются, однако он и слышать не захотел. «Вам установка дана? Вот идите и исполняйте!». Ну, они и пошли. Заявления на увольнение писать. Понятно, что сразу он их не уволил, велел две недели отрабатывать. Сейчас этот срок истекает, но господин главный даже и не думает отменять свое требование. Ну а сотрудницы тоже не лыком шиты. Уволятся однозначно. И получится, что скорая останется без соответствующих специалистов. А очереди из желающих занять их места почему-то не наблюдается.

Объявили врачебно-фельдшерскую конференцию. Как всегда выслушали доклад старшего врача предыдущей смены. Кроме оперативной сводки, сообщил он и о хорошем событии: фельдшерская бригада провела успешную реанимацию. А самое примечательное заключалось в том, что клиническая смерть была вызвана асистолией – полным прекращением работы сердца. В подобных случаях успешная реанимация является редкостью.

А в завершение начмед Надежда Юрьевна напомнила фельдшерам о предстоящей учебе по ЭКГ диагностике. Да, это дело нужное, ведь у многих фельдшеров с этим беда полная. Однако это не их вина, а пробел среднего медицинского образования. Нет, электрокардиографию они, конечно же, изучают, но лишь в общих чертах.

Почему-то не вышел на работу врач реанимационной бригады Кузнецов. На телефонные звонки не отвечал. Как-то это очень странно. Сергей Витальевич – человек исключительно порядочный, уж если бы что случилось, он бы обязательно позвонил. Но и подозревать что-то плохое, тоже нельзя. Ведь тогда бы супруга сообщила. В общем, пока будем работать без первой бригады.

Вот и первый вызовок подоспел, как всегда, в десятом часу. Поедем на травму ноги с кровотечением у мужчины тридцати трех лет. Поскольку ждал он нас у речки за городом, можно предположить, что наступил он на что-то острое, когда купался.

Встретила нас развеселая компания из двух дам и двоих мужчин. Нда, как-то раненько начался процесс злоупотребления. Времени еще десяти нет, а господа уж весьма хороши.

Все они, хором, на повышенных тонах стали вопить, мол, почему вы ехали так долго, если он умрет, то вы отвечать будете! Возражения, что мы приехали через тринадцать минут, при нормативе не более двадцати, в расчет не принимались. Мною давно замечено, что для крепко подданных людей, вре-

мя течет медленнее. И даже если б мы приехали через пару минут, то их претензии остались бы неизменными.

К счастью, пострадавший даже и не думал помирать. Несмотря на действительно сильное кровотечение, давление он держал, был бодр и задорно матерился. Оказали мы ему положенную помощь и в травмпункт увезли шиться. Группа поддержки вознамерилась было с нами ехать, но катать пьяную гоп-компанию в наши планы не входило. А потому, господа были «посланы» решительно и незамедлительно.

Теперь поедem на психоз у молодого человека двадцати трех лет. Да, помню я этого больного. По-моему, в апреле мы его госпитализировали. Возбужденный он тогда был, агрессивный, свою мать оскорблял страшно. Но, правда, без полиции все обошлось.

Мама больного встретила нас очень доброжелательно:

– Здравствуйте! Вот, как хорошо, что опять вы приехали!

У Гриши все по новой началось, «голоса» появились.

– Ну а сам-то он как? Не злой, не агрессивный?

– Нет-нет, в этот раз он нормальный. Да и вообще, он последнее время спокойнее и послушнее стал. Никуда не рвется, лежит-полеживает, да играет. Вот только помыться и переодеться долго уговаривать приходится. Кстати, в этот раз он не возражал против вызова скорой, представляете?

Больной лежал на диване перед телевизором.

– Здравствуй, Гриш! Как твои дела? Что беспокоит?

– Да опять меня голоса задолбали! А еще какой-то стук

непонятный.

– Голоса что говорят?

– Всегда по-разному. Иногда ругаются, иногда передразнивают, а то просто какую-то фигню несут.

– А ничего не заставляют?

– Нет, ничего такого.

– Уже хорошо. Ну а ты как считаешь, эти голоса из-за болезни, или они реально существуют?

– Может, конечно, из-за болезни... Но я пока не хочу об этом думать.

– Гриш, а чем ты вообще занимаешься?

– Ну-у-у... даже и не знаю... кино смотрю, музыку слушаю, иногда играю.

– В «стрелялки»?

– Нет, в стратегию.

– А получить образование и работать не хочешь?

– Не, не хочу. Я в юридическом колледже учился, после первого семестра отчислился. Не, ну на фиг эту работу, я человек творческий.

– Ясно. Ну а твое творчество в чем выражается?

– Не знаю, я пока еще не определился.

– Ну а все-таки, вот что бы тебе понравилось, для души?

– Хм, ну, овощеводство, например.

– А разве овощеводство – это творческая деятельность? В чем тут творчество заключается?

– Ну, я хочу покупать помидоры разных сортов и выра-

щивать.

– Понятно. И еще, скажи, пожалуйста, весной ты называл себя Михаилом Архангелом. Это было перевоплощением?

– Нет, я одновременно был и собой, и им.

– Это как сон был, или наяву все происходило?

– Даже и не знаю... Ну, вроде как в фантастическом мире все происходило.

– Ну что, Григорий, в больницу поедем?

– Поедемте, если надо.

Что же за болезнь у Григория? Однозначно эндогенный процесс – шизофрения. В какой именно форме? А вот тут поостерегусь с однозначными выводами. По моему скромному мнению, у Григория была некая крошка из множества шизофренических форм. Однако же ингредиенты параноидной шизофрении, не были заметны. Не уловил я идей преследования, воздействия, отношения.

Мама Григория порадовалась, что тот стал послушным и спокойным. Но в действительности, это не улучшение состояния, а признаки формирующегося шизофренического дефекта. У Григория нарастает негативная, дефицитарная симптоматика. Выражается это в эмоционально-волевом оскудении и снижении жизненной активности. Так что, поводов для радости, к сожалению, нет.

Нет, без работы нас никогда не оставят. Поедем в отдел полиции к мужчине шестидесяти лет, который с чего-то решил запсихозничать.

В дежурной части майор рассказал:

– Привезли его из магазина «Притяжение», он там стеллаж алкоголя расколотил. Но убежать даже и не пытался, стоял и улыбался как дурак. Хотя, тут можно и без «как» обойтись. Разговаривать с ним вообще невозможно, несет какую-то бессмыслицу. Документов у него нет, о себе ничего не говорит. В общем, так мы ни до чего не дознались. Идите, может у вас получится.

Признаться, ожидал я увидеть некоего маргинала-деграданта. Однако в клетке сидел прилично одетый седовласый мужчина, весьма представительного вида. «Дили-дили-или», – многозначительно сказал он и внимательно посмотрел на нас.

– Ну да, как-то так. Вас как зовут?

– Зовут-не зовут, а у двух братьев из этого дома вчера были три тэ. Но это не та система. Вот и думайте, как летать туда-сюда. Мне тоже, извините, не очень нравится, что после света нужно убежать куда-то.

– Все правильно. Ну а зачем вы в магазине погром устроили?

– Нет, нужно по-другому погром перечислять. Ведь магазин куда уносят? Тут и площадь, и инженеры, и автодороги с женским хором. Дили-дили-дили, вот и решайте без утверждений и всяких непонятных потоков.

– Да, согласен, тут с вами не поспоришь.

У этого больного была шизофазия – речевая разорван-

ность. Несмотря на грамматически правильное построение предложений, общий смысл сказанного был совершенно непонятен. Возникает эта бяка от того, что нарушается логическая последовательность ассоциаций. Например, у человека с ненарушенным мышлением, эта последовательность может выглядеть так: веселье – радость – улыбка – праздник – хорошее настроение. А у больного с шизофазией, вот так: веселье – пальто – комары – дерево – портфель.

Шизофазия – это не самостоятельное заболевание, а всего лишь один из симптомов, чаще всего, шизофрении. И здесь надо подчеркнуть, что симптом необязательный, возникает он далеко не у всех больных. Но поскольку «шизофренические» диагнозы на догоспитальном этапе мы выставить не вправе, ограничился я дежурным «бредовое расстройство».

В итоге, свезли мы больного в психиатрическую больницу как неизвестного.

А дальше нам обед разрешили. Эх, чуть не забыл: я ведь сегодня без еды на работу-то приперся. А потому, в магазин заехали. Мои парни тоже кой-чего прикупить решили. Стоим у кассы, впереди нас двое. И тут смотрим, как какой-то весьма податый молодой человек докопался до невысокого мужчины интеллигентного вида.

– О, гля, йогуртов набрал! Наверно, здоровым будешь, да? О, блин, да у тебя еще и перстень на пальце! Ты че, крутой мэн, да?

– Слушай, да чего ты ко мне прикопался, иди уже своей

дорогой! – ответил мужчина.

– Не, а ты че такой борзый-то, а? Че, побазарить, что ли, хочешь? Короче, выходи, я тебя на улице жду!

– Не, дружище, погоди, ща мы расплатимся, и ты с нами побазаришь! Жди нас и никуда не уходи! – сказал фельдшер Гера, внушительно возвышавшийся надо всеми.

– Да уж, давай-ка на деле проверим твою крутизну! – добавил фельдшер Виталий, хоть и не такой высокий, но тоже крепкий и мускулистый.

– Не, вы че, мужики? – испуганно уставился на них парень, мгновенно утративший свою храбрость. – Какая крутизна? Я просто спросил и все!

И после этих слов мгновенно испарился, словно его никогда здесь и не было.

У медицинского корпуса стоял и мрачно дымил врач Прохоров.

– Иваныч, Сергей Виталич умер.

– Эх, е мое! А как же получилось-то?

– Он на даче один был, жена дома осталась. Сегодня, когда он на работу не вышел, Викентич до него дозвониться не смог. Тогда жене позвонил. Она туда приехала, смотрит, на столе стоит тарелка супа, а он мертвый в кресле, уже окоченевший. Вот так... Про похороны пока ничего неизвестно, вскрытие будет завтра.

– Нда... Ему сколько было-то? Лет пятьдесят?

– Да что ты, Иваныч, шестьдесят четыре! Просто он вы-

глядел моложаво.

– Деньги, как всегда, Андрей Ильич будет собирать?

– Нет, на этот раз старшие врачи по сменам.

– Ладно, пойду Викентичу сдам.

Да, вот и еще одно доказательство, что здоровый образ жизни не является надежной страховкой от преждевременной смерти. Покойный Сергей Виталич отродясь не имел вредных привычек, не позволял никаких излишеств, был спортивным, закаливался, всегда держал себя в тонусе. А вот поди ж ты...

На обед я себе купил, стыдно признаться, лапшу-бэпэшку. Нет, не потому, что денег не было, просто очень люблю я это дело. Дома-то мне супруга не разрешает такое есть. Но когда все же изредка соглашается, то строго-настрого предупреждает, чтоб не вздумал кому-то рассказывать. Мол, подумают люди, что жена вообще ничего не готовит.

Ну и все, пообедали, теперь можно и прилечь.

Да, вот это прилег! Смотрю, Виталий с Германом уже бодрствуют, на кухне чаек попивают. Во, говорю, времени скоро пять, а у нас еще ни в одном глазу, ну в смысле, ни одного вызова! И только сказал, как сразу вызов прилетел. Ну и поделом мне. Ведь нарушил я одну из скоропомощных заповедей: никогда не радуйся вслух спокойствию на смене! Поедем на травму головы у мужчины сорока девяти лет.

В маленьком частном домишке было грязно и неудобно. Небритый мужчина с распухшим носом, подбитым глазом и

залитым кровью лицом, прижимал к голове какую-то тряпку.

– Что случилось, уважаемый?

– Да так, с бабой своей поцапался...

И тут, как грозный тайфун, влетела разъяренная женщина.

– Что, жалуешься, да, сволота пользованная? Ты че, разве не за дело получил? Кто меня «дыркой» и «помойкой» назвал, а? Да за такие слова я тебя вообще, <самка собаки>, могла зарезать <на фиг>! Я шесть лет отсидела за тяжкие телесные, меня зона не пугает!

И она, надо сказать, была весьма убедительна. Фельдшеры мои уж собрались ее выпроводить, но она, быстро остыв, сказала:

– Не, парни, все, хорош. Больше не буду его обижать. Он и так, по жизни обиженка. Сейчас я вещи соберу и уйду от этой падали.

На темени – весьма приличная ушибленная рана, продолжавшая кровить. Пострадавший был каким-то сонливым, заторможенным, жаловался на головную боль и тошноту. Нда, как бы тут не оказалось перелома свода черепа с гематомой.

В приемном отделении городской больницы мои опасения, к сожалению, полностью подтвердились. А потому, увезли мы его в нейрохирургию областной больницы. Да, вот такие покатушки у нас получились.

А теперь поедem на психоз у молодого человека двадцати одного года. Хм, за сегодня это уже второй случай «молодо-

го» психоза.

Заплаканная мама больного рассказала:

– Он с пятнадцати лет болеет, инвалид детства. Я уж со счета сбилась, сколько раз он лежал. Но толку никакого. С каждым разом все хуже и хуже становится. В этот раз он и таблетки пить перестал и на укол не пошел. Зачем, говорит, ведь у меня уже все нормально. Ну, вот тебе и нормально. Вторую ночь подряд вообще не спит, стал злым, дерганым. Сегодня меня по лицу ударил.

Больной, высокий, нескладный, весь какой-то взъерошенный, беспокойно ходил по комнате, при этом нелепо гримасничая.

– Здравствуй, Олег, что случилось?

– Ничего, все нормально. Зачем ты их вызвала, а? Ты че, опять меня отправить хочешь? Да я тебя вообще размажу! – накинулся он на мать.

– Так, Олег, а ну, прекратил быстро!

– Слышь, док, я тебе пять штук дам, увези ее в дурку!

– Олег, я с тобой на брудершафт не пил! Веди себя прилично!

– А что такое брудершафт?

– Все, проехали. Расскажи, зачем ты маму ударил?

– Да это не я! Здесь у нас дьявол живет, вот он ее и ударил.

– То есть, он в тебя вселился, что ли?

– Нет, не вселился. Просто он моей рукой действовал. Да это и не удар был, а просто пощечина несильная!

– А ты его видел?

– Нет, вживую не видел, но мысленно представляю: высокий такой, весь в черном, как в балахоне. А вот какое лицо, я не знаю – из-за капюшона не видно.

– Ты сказал, что он здесь живет. Это в квартире, что ли?

– Ну да, я иногда замечаю краем глаза чего-то черное, вроде как тень.

– Он с тобой разговаривает?

– Да, говорит. Ругается, обзывается, иногда мои мысли повторяет. А сегодня еще и угрожает, что порвет меня, голову взорвет. Вот только я никак не пойму, с чего он ко мне присрался?

– Ничего тебе не приказывает?

– Иногда говорит, чтоб я от матери ушел или избил ее.

– Олег, а как ты считаешь, вот это все от болезни?

– Ну, я не могу так сказать, что вот прямо все.

– А ты постарайся, отфильтруй.

– Ну... бессонница... потом, когда все раздражает, когда голова болит – это болезнь.

– Так, а дьявол – не болезнь?

– Думаю, что нет. При чем тут болезнь? Ведь есть же и Бог, и Дьявол. А вы неверующий, что ли?

– Как сейчас модно говорить – без комментариев. Лучше скажи, ты не замечал, что незнакомые люди что-то говорили о тебе?

– Хм... ну мне всегда дают понять, что все будет нормаль-

но и дьявол мне ничего не сделает.

К сожалению, на руках у них не было никакого официального документа с диагнозом. Поэтому, могу лишь предположить, что у Олега – параноидная шизофрения с непрерывно-прогредиентным течением. Углядел я у него элементы трех видов бреда: преследования, воздействия и отношения. Однако мои размышления к делу, то бишь к истории болезни, не пришьешь. Нарисовал галлюцинаторно-бредовый синдром, с которым и свез Олежку в стационар.

Ну а теперь поедem к мужчине сорока девяти лет, которому плохо. Он был пьян и ждал нас у пешеходного перехода.

Когда подъехали, я аж глазам своим не поверил: ведь это ж был Максимка собственной персоной! Я уж думал, что его давно и на свете-то нет, а он вон, сидит-посиживает на обочине проезжей части! Для тех из вас, кто еще незнаком с этим замечательным персонажем, поясню. Максимка не бомж, живет со старенькой мамой в благоустроенной квартире.

Но и назвать его просто алкоголиком язык не поворачивается. Это все равно, что академика назвать просто специалистом. Алкоголизм для Максимки – это не только дело всей жизни, но и религия, через которую он регулярно достигает нирваны. Ведь что может быть лучше, чем, упившись до феерического состояния, завалиться в грязь? А уж если еще и до кучи рожу свою разбить, то вот оно – состояние высшего блаженства и абсолютной гармонии!

Но при всем этом, Максимка – существо добрейшее и безобиднейшее. Представьте себе, даже матом не ругается! Известен он всей скорой, включая педиатров. Хотя бы раз в смену обязательно поступает вызов от заботливых прохожих с поводом «человеку плохо». Но в действительности, этому человеку очень даже хорошо. Вот только окружающие этого не понимают.

– О-о-о, здорова, Максимушка! Ты где пропадал-то?

– Здоров, старый! Да меня мамка «закодироваться» заставила на год. Восемь месяцев не бухал, терпел. А потом думаю, да зачем мне такая бессмысленная жизнь? Почему я должен сам себя свободы лишать? Короче говоря, взял и снова забухал.

– Ну а сейчас что случилось? Зачем нас к тебе вызвали, ведь ты же не совсем пьяный?

– Гы-ы-ы, а был совсем! Присел вот тут, посидел, теперь нормально стало.

– Надеюсь, в вырезвитель не поедешь?

– Не-не-не, старый, конечно не поеду! Мне по делам надо срочно, меня люди ждут!

– Ну, раз так, то не смею задерживать!

И отправился Максимка по своим важным алкоголическим делам, быстрой, почти уверенной походкой. Ну а мы поехали на следующий вызов: эпилептический у мужчины сорока трех лет.

В однокомнатной «хрущевке» было невообразимо грязно.

Это как раз тот случай, когда бахилы нужно надевать всене-
пременно. Для защиты собственной обуви.

– Его тряхануло сегодня. Эпилепсия у него, – хрипло
сказал грязный, опухший мужчина непонятного возраста. –
Обычно-то он протрясется и через полчаса встает, как будто
ничего и не было. А тут уж часа два вообще не шевелится.
Вон он на кухне лежит, посмотрите.

Ну что ж, посмотрели, конечно. Лежал он на полу, лицом
вниз. Даже не обладая специальными познаниями, любой бы
сразу понял, что это – труп. Однако мозг товарища покойно-
го, был напрочь съеден токсической энцефалопатией и отка-
зывался понимать очевидное.

– Да вы чего? – удивился тот. – Он же теплый! Может,
рини... риниминируете его?

– Во-первых, покойников мы не реанимируем. А во-вто-
рых, при температуре восемнадцать градусов, труп остывает
в среднем по одному градусу в час. Сейчас жара, поэтому он
вообще не остынет.

На бедного мужичка было больно смотреть. Его много-
страдальный мозг физически не мог справиться с непривыч-
ным обилием информации.

– Так, все, ладно, не порти голову, а иначе пить будет
нечем.

Вызвали полицию и стали ждать. А куда деваться? Минут
через тридцать прибыл наряд ППС. Записали они наши дан-
ные и отпустили восвояси.

Вот и закончилась на этом моя смена.

А на следующий день, опять меня лес не порадовал. Нет, грибы-то были и, в основном, не червивые. Вот только из-за хронического обезвоживания, были они изможденными и невеселыми. С 30 и 31 августа хорошие дожди и похолодание обещают. Может, хоть в сентябре хроническое безгрибье закончится...

Все фамилии, имена, отчества изменены.

Человеческий облик

Каждые свои выходные я переквалифицируюсь из врача в поливальщика широкого профиля. В смысле, огород поливаю. Поднадоел уже этот труд, а никуда не денешься: жаркое и засушливое погодное безобразие даже и не думает прекращаться. Такое чувство, что наша область неуклонно превращается в знойную пустыню. Скоро по песчаным барханам будем на верблюдах передвигаться. Так, из-за своих глупых размышлений, чуть было остановку свою не проехал.

Наркоту получил, пошел в «телевизионку» – место тусовки свободных бригад. В телевизоре тоскливо завывал один из великого множества безголосых певцов. Не пойму, по какой причине, наши современные песни сплошь стали безмотивными и заунывно-тягучими? Да, безусловно, есть и песни, и исполнители хорошие, вот только на телевидении мы их не видим и не слышим.

Самодурство у шефа отступило. Но поскольку эта болезнь неизлечима, то можно говорить не о выздоровлении, а лишь о ремиссии. А уж насколько долгой она будет, пока никому неизвестно. В общем, когда до увольнения закупщиц оставались считанные дни, отменил он свое решение.

Объявили конференцию. После традиционного доклада старшего врача слово взяла начмед Надежда Юрьевна:

– Коллеги, напоминаю, что в карточках вы должны обос-

новывать свои диагнозы. Например, если вы ставите гипертоническую болезнь второй степени, то должны расписать клинику именно второй степени. Вот у меня карточка фельдшера Сумкиной. Она выставила ГБ второй степени. А дальше пишет, что в анамнезе – транзиторная ишемическая атака. Ну так какая же здесь вторая степень? Здесь речь идет о поражении органов-мишеней, а значит степень – однозначно третья! Кроме того, напоминаю некоторым коллегам, что диагнозы должны быть развернутыми. Вот у меня другая карточка. Основным диагнозом фельдшер пишет «ГБ два» и на этом все! Но раз уж вы ставите гипертоническую болезнь, то будьте любезны расписать степень артериальной гипертензии, степень нарушения кровообращения, функциональный класс и риск!

Дальше главный фельдшер Андрей Ильич прочитал доклад о холере. Да, Андрею не позавидуешь. Не от безделья он с этими докладами выступает, а выполняет волю главного, который на него всю эпидемиологию спихнул. Не понимаю я шефа. Уж если ты экономишь деньги и не хочешь принять эпидемиолога даже на четверть ставки, то хотя бы пригласи профессионалов для учебы по опасным инфекциям. Там было бы всего-то занятия четыре, уж не думаю, что за них пришлось бы платить какие-то баснословные суммы. Но господин главный невосприимчив к здравому смыслу. Видимо, обладает он к нему стойким иммунитетом.

Вот и первый вызовок подоспел: травмы головы и руки без

кровотечения у женщины пятидесяти восьми лет. Удивляют меня такие вызовы. Нет, не пугают и не напрягают, а именно удивляют. Посылать на такую непрофильщину специализированную психиатрическую бригаду, это все равно что поручить инженеру гвозди забивать. Да и по деньгам весьма расточительно. Ведь наш вызов оплачивается ТФОМС¹ намного дороже, чем общепрофильной бригады.

Встретила нас дочь больной, энергичная молодая женщина:

– Так, я ее дочь, и я юрист! – безо всяких «здрасьте», напористо начала она. – Мама сейчас ехала из поликлиники, автобус резко затормозил, и она упала. У нее перелом руки и сотрясение. Освидетельствуйте ее, и я буду исковое готовить!

– Разумеется, мы вашу маму осмотрим, помощь окажем и в ГИБДД сообщим, а вот освидетельствовать мы не имеем права. Вы, как юрист, должны знать, что этим занимается только Бюро судебно-медицинской экспертизы.

– Да знаю я, что судебка, но им же меддокументация будет нужна.

– Да без проблем! Через ГИБДД они могут запросить нашу карту вызова.

– Понятно. Значит, вы ничего не напишете?

– Ну, я же сказал, что все опишу в карте вызова, а по за-

¹ ТФОМС – Территориальный фонд обязательного медицинского страхования.
– Здесь и далее прим. автора.

прошу мы ее представим. А еще мне непонятно, как вы будете готовить иск, если ГИБДД еще никакой проверки не проводила?

– Ой, да ладно, хватит уже! Разберусь я без вас!

Разумеется, не стал я пререкаться. Вот только госпожа юрист какая-то загадочная. Чем, интересно, она собралась доказывать свои исковые требования? Хотя вполне возможно, что юристом она представилась, желая на нас впечатление произвести.

К счастью, у пострадавшей ничего страшного не оказалось. Был не перелом, а повреждение связок лучезапястного сустава. Признаков черепно-мозговой травмы я не углядел. Но тем не менее свезли мы ее в стационар, сотряс исключить. Ну и исключили к дочкиному разочарованию. Поинтересовался я у пострадавшей, почему она сразу на месте не настояла на вызове гаишников? Но ничего вразумительного она так и не ответила.

Поедем теперь перевозить больную двадцати пяти лет из психоневрологического диспансера в психиатрический стационар.

Молоденькая доктор Екатерина Николаевна рассказала:

– Больная у нас шестой год наблюдается с шизоаффективным расстройством смешанного типа. Каждый раз сама просится в стационар. Это у нее уже восьмая госпитализация. Там психотика во всей красе. Да и вообще, с каждым разом негативная симптоматика нарастает.

– Понял, сейчас пообщаемся.

В фойе к нам подошла чуть полноватая, круглолицая молодая женщина. Одета она была ярко, но со вкусом и не вызывающе.

– Здравствуйте, я – Жанна Тихомирова! – вежливо представилась она. – А я вот созрела, чувствую, что мне опять в больницу надо!

– А почему надо? Что вас беспокоит?

– Да понимаете, у меня сейчас идет такой душевный подъем, что я готова горы свернуть! Но во мне еще есть чувство, что жизнь вот-вот закончится. Вот честно, я готова ускорить этот конец. И это меня пугает. Вдруг, на самом деле, возьму и решусь, а? Поэтому я в больницу попросилась. Ну а потом, мне там нравится, там психотерапия такая классная!

– А вы очень противоречивы!

– Да, я сама это понимаю. Но ничего не поделаешь, мы в шоу-бизнесе все такие, противоречивые и сумасбродные!

– Во как! Вы, значит, вхожи в шоу-бизнес?

– Да не вхожа, а являюсь его частью. Мы с Федулом Карковым находимся в близких отношениях, потом мой молодой человек работает на студии звукозаписи.

– Так, а вот про Каркарова давайте-ка поподробнее. Вы с ним прямо лично общаетесь?

– Нет, лично мы всего три раза встречались на его концертах. Мы с ним виртуальную связь поддерживаем, очень тесную.

– Это как, мысленно, что ли?

– Не совсем так. Мысленно – это просто мечты и не более. А мы действительно близки безо всяких фантазий. Он меня, можно сказать, ввел в шоу-бизнес, во все секреты посвятил, мы друг от друга ничего не скрываем. Но уж про наши интимные отношения я ничего рассказывать не буду, иначе это как-то неприлично получится.

– Разумеется, ни о чем подобном я вас не буду расспрашивать. Жанна, а свое настроение вы как оцениваете?

– Понимаете как... Оно прекрасное, оно бурлит, но вместе с тем и очень тягостно, потому что я не могу ощутить жизнь вокруг. Мне и приятно, и неприятно одновременно.

– Жанна, то есть получается, что между вами и окружающим миром есть какой-то барьер?

– Нет, никакого барьера я не чувствую. У меня есть другое сравнение: я как будто мертвая. Ну, это как отношения между миром живых и миром мертвых.

У Жанны – ярко выраженное шизоаффективное расстройство. Оно представляет собой прочнейшую взаимосвязь шизофрении с аффективными нарушениями – изменениями эмоционального состояния в сторону подъема или угнетения. В случае с Жанной была смесь мании с депрессией. Что в ней было от шизофрении? Во-первых, это галлюцинаторно-бредовый синдром, выразившийся в виртуальной связи с Каркаровым. Во-вторых, ни с чем не сравнимые шизофренические разлаженность и расщепленность. Хорошо и

плохо. Приятно и неприятно. Прекрасное бурлящее настроение и тягостность. Кроме того, не было в ней живости души и живого участия в беседе. Рассказывала о своем «бурлящем» настроении и душевном подъеме с гипомимичным лицом, монотонным голосом.

Болезни Жанны, как хрустальная туфелька Золушке, идеально подошел бы диагноз «шубообразная шизофрения». Нет, эта болезнь не похожа на шубу. Название происходит от немецкого *schub* – «сдвиг». Здесь имеется в виду личностный сдвиг в худшую сторону. Ведь каждый шуб обязательно привносит частичку дефекта – необратимых изменений личности.

Вот только к великому сожалению наше российское здравоохранение давно отдалось серо-обезличенной МКБ-10². При этом отечественная психиатрическая школа, яркая и богатейшая, оказалась где-то на задворках. А шубообразная шизофрения и не только, как раз из той самой школы.

Ну а теперь на следующий вызов поедем. У мужчины сорока одного года, психоз приключился.

На улице встретила нас заплаканная женщина без единого следочка косметики на измученном лице.

– Здравствуйте, допился он уже вконец! Вы представляете, целый месяц пил! Месяц! Меня ревновать стал, вот просто ни с того ни с сего, на пустом месте! Скандалил, чуть ли в драку не кидался! Без работы остался, выгнали по статье

² МКБ-10 – Международная классификация болезней десятого пересмотра.

за пьянку. А куда он теперь устроится с такой-то трудовой?

– А нас-то зачем вызвали?

– Да он же всю прихожую топором изрубил! Показалось ему, что мои хозяева к нему пришли и угрожают. В общем, я в продуктовом магазине работаю, продавцом. А хозяева – два брата. Нормальные мужики, не бандиты какие-то, оба семейные. Но ведь этому придурку не объяснишь, ревнует к ним страшно! Ну вот, у меня выходной сегодня, я по магазинам прошлась, возвращаюсь, а он совсем одурел! Орет дурным голосом и топором все крушит!

– Последний раз он когда выпивал?

– Четыре дня назад. Да он ведь не по своей воле прекратил. Блевать начал дальше, чем видит. Полрюмки проглотит и сразу бегом к унитазу.

Вызвал охрану, ждем-с. Кстати сказать, один из читателей, видимо, не умеющий читать, почему-то решил, что ЧОПовцы включены в состав нашей бригады. Так вот, охранники с нами не ездят. Просто скорая заключила договор с ЧОП. И теперь по нашим вызовам приезжает не полиция, а группа быстрого реагирования. И это не слабосильные мужички в мешковатой форме, а молодые, тренированные парни. Вызываем мы их не по телефону, а специальной кнопкой в планшете. Но если имеется явный криминал, например, с признаками насильственной смерти, то, разумеется, мы вызываем полицию.

В скором времени прибыли три богатыря. А затем – ниче-

го страшного не произошло. Дверь была не заперта, а когда мы зашли внутрь, после гэбээровцев, конечно же, то увидели, что больной даже и не думал причинять нам вред. Худощавый, небритый, с голым торсом и в грязных спортивных штанах, он был крайне перепуган и растерян. Охранники хотели было надеть на него наручники, но я не разрешил. Ни к чему это, ведь больной не агрессивен и находится под присмотром. Хм, а прихожая-то действительно вдрызг изрублена!

– Здравствуй, Игорь! Рассказывай, что случилось?

– А вы кто такие? – настороженно спросил он.

– Мы – скорая помощь.

– Да, да, все я понял! Значит, Фадеевы вам забашляли, чтоб меня грохнуть? Ща укольчик сделаете и «привет»?

– Во-первых, никаких уколов мы тебе делать не собираемся. Во-вторых, кто такие Фадеевы?

– А вы вон у той <грязное оскорбление> спросите! – показал он на свою супругу. – Это два брата-акробата, хозяева магазина. Они же ее <циничное описание интимных отношений>!

– Так, а ну прекратил сейчас же! Зачем ты всю прихожую изрубил?

– Затем, что Славик с Димой меня убивать приходили! Они, видимо, ключ подобрали и зашли бесшумно. А потом, прямо так и сказали, что мы тебя грохнем! Но они какие-то непонятные были, плоские, как на фотографии. Их бьешь, а

не попадаешь. Ну вот, у меня на кухне топор лежал, я метнулся, схватил его, ну и отбился все-таки.

– А они сейчас здесь?

– Да из квартиры вроде свалили, а теперь...

И тут больной, оборвав себя на полуслове, с ужасом на лице, стал тянуть изо рта нечто невидимое.

– Да <распутная женщина>, проволока! Ща я проколю себе все! Ну что вы смотрите-то, помогите!

– Игорь, пойдем в машину, там мы тебе помощь окажем и в больницу свезем.

– Ага, чтоб вы меня там грохнули, что ли?

– Игорь, успокойся, ничего плохого тебе никто не сделает.

В итоге, больной согласился и был госпитализирован в наркологию.

У Игоря не было ничего интересного и примечательного. Обычный алкогольный делирий в сочетании с алкогольным бредом ревности.

Разрешили обед. Отлично, едем.

Удивительное дело, на Центре сразу аж шесть бригад вместе с нашей. Обычно среди бела дня по стольку никогда и не запускали. Ну что ж, тоже неплохо: это значит, что сразу после обеда нас точно не дернут.

И мое предположение оказалось правильным. Как и в прошлый раз, вызов дали уже около пяти. Поедем к женщине шестидесяти трех лет, которая вены себе порезала, и сама же скорую вызвала.

Раненая сама нам открыла и была живее всех живых. Нигде никаких следов крови не видно. Уже неплохо. Квартира неопрятная, давно не видевшая ремонта, вещи разбросаны.

– Здравствуйте, что случилось?

– Да вот, надоело мне все...

– Ну, показывайте.

Нда... На левом запястье – едва заметные царапки, которыми даже впечатление не произведешь на окружающих.

– Ну и зачем вы это сделали?

– Муж с сыном пьют и безобразничают. Надоели оба. Долг за коммуналку бешеный, а чем платить-то, если они все пропивают? Все идет к тому, что выселят нас и на улицу вышвырнут.

– Ну а смысл какой в том, что вы сделали?

– А может, посадят их? Мне сказали, что есть статья за доведение до самоубийства.

– Статья-то есть, вот только в этом случае никто никого не привлечет.

Для формальности, царапки обработали перекисью и даже повязку накладывать не стали. Вот только мне предстояло в полицию сообщить. Да, мы обязаны это делать даже из-за царапин, если они были нанесены с целью самоликвидации. Хотя, конечно же, эта проверка закончится ничем. По одной простой причине: был выбран заведомо неопасный способ ухода из жизни.

Вот и еще вызов прилетел: психоз у женщины семидесяти

семи лет.

Подъехали к добротному частному дому. У калитки встретили нас две женщины: одна постарше, другая совсем молоденькая.

– Это мы вас вызвали. Я ее дочь, а Катя – ее внучка. У нее вообще уже кукушка слетела!

– У кого, у Кати?

– Ой, да нет же! У моей матери! В общем, как все получилось. У нее есть еще и квартира. Мы там ремонтище такой шикарный сделали, кучу денег вбухали. А она взяла и ни с того ни с сего эту квартиру моей сестре подарила!

– Ну а мы-то здесь при чем? Мы ж не адвокаты и не прокуроры?

– А при том, что она дура на всю голову! Представляете, сказала, что мы ее обижаем и убить хотим!

– Ну ладно, сейчас пообщаемся.

Когда мы вошли в дом, увидели опрятную пожилую женщину, вытиравшую кухонный стол.

– Здравствуйте, Надежда Александровна! Давайте-ка мы с вами присядем и пообщаемся.

– Ой, батюшки, а вы скорая что ли?

– Да, скорая.

– Так я вроде нормально себя чувствую. Это вы, что ли, вызвали? – спросила она у дочки с внучкой.

– Да, мы! – ответила дочь. – Сейчас тебя в психушку увезут!

– А ну-ка, прекратите! Пока никто никого никуда не увозит! Выйдите отсюда! Пожалуйста.

– Надежда Александровна, что вас сейчас беспокоит?

– Да что... В нашем-то возрасте известно, какие беспокойства: голова, как чугунная, давление иногда подскакивает. Ну а так, по врачам я не бегаю, ничего для себя не требую.

– А дочка с внучкой к вам как относятся?

– Ой, последнее время я чувствую, что лишней для них становлюсь. Они уж все давно решили. Ведь просто так яму копать не будут...

– Какую яму, скажите поподробнее?

– Ну какую? Обычную. Вроде как трубу меняли, а на самом-то деле это для меня знак был. Мол, пора в могилу.

– Вот поэтому вы и подписали дарственную другой дочери?

– Ну конечно! А этим-то за что я дарить буду? За то, что они меня обижают?

– Надежда Александровна, а они за вами ухаживают?

– Нет, а что за мной ухаживать-то? Чай, я не лежащая! Я и в магазины хожу, и дома, и в огороде все делаю. Они чего-то тоже покупают и приносят, но я ихнего не ем. Еще подмешают чего-нибудь...

Далее позадал я вопросы и выяснил, что Надежда Александровна полностью ориентирована во времени, месте и собственной личности. Да, фрагменты бреда проскользнули, но они не делали Надежду Александровну опасной для окру-

жающих или самой себя. Именно по этой причине, она не нуждалась в экстренной психиатрической помощи.

Дочь и внучка аж в лице переменились, когда узнали, что Надежду Александровну мы никуда не повезем.

– Да вы не видите что ли, что она дура душой? Она же городит незнамо чего! Короче, я поняла, взятка вам нужна, вот и все! Ладно, я обращаюсь, куда следует!

– Уважаемая, обращаться вы можете куда угодно, но тогда будьте готовы ответить за свои слова. В суде.

– Ой, да что вы меня тут пугаете-то?

– Мадам, я не зеркало, чтоб вас пугать.

Веди она себя поприличнее, то рассказал бы я ей, как действовать. Но объясняться с хамкой – себя не уважать.

Прилетел следующий вызов: болит живот у мужчины тридцати четырех лет.

В прихожей, страшно перепуганная молодая женщина, пронзительно закричала:

– Идите быстрее, он умирает!

Больной метался в кровати, по-звериному рыча и завывая.

– Так, показывай, где болит!

– Да вот, вся бочина и живот, и поясница!

– Мочишься нормально? Проблем нет?

– Че?

– Как писаешь?

– Да сегодня чет плохо, как-то помаленьку.

Все понятно. У больного была классическая почечная ко-

лика. Камушки расшалились и полезли куда не надо.

Сделали внутривенно ненаркотический анальгетик, внутримышечно – спазмолитик. Больной успокоился, повеселел и в урологию благополучно уехал, от камней избавляться.

Следующий вызов не заставил себя ждать. Поедем на травму ноги у мужчины шестидесяти шести лет.

Открыла нам весьма поддатенькая немолодая женщина:
– У-ха-ха-ха! Проходите, вон он под кроватью валяется!
У-ха-ха-ха!

Да, госпожа оказалась права. Снаружи находились голова с лохматыми пегими волосами и плечи. Все остальное было скрыто под кроватью.

– Василий Петрович, ну и как же тебя угораздило-то?

– А <фиг> его знает, – философски ответила голова.

Мои парни вытащили его, и сразу нашим глазам представило диво дивное: вывих коленного сустава. Не надколенника, называемого в народе «коленная чашечка», а именно вывих самого сустава. Понятно, что врачи-травматологи в своей практике и не такое встречают. А вот ваш покорный слуга увидел воочию впервые в жизни.

Удивительно, но пострадавший как-то не особо страдал от боли. Видимо, хорошую алкогольную анестезию принял. И тем не менее, мы его обезболили качественно, транспортную иммобилизацию выполнили. Ну а потом в травматологию его свезли. Подчеркну, что не в травмпункт, а в травматологическое отделение стационара.

И на сегодня, этот вызов был для меня последним.

А на следующий день, как всегда, приехали мы на дачу. Потом, когда сели пообедать, пришел сосед Федор. Лицо мрачнее ночи, никаких обычных шуток-прибауток.

– Господи, Федя, чего случилось? – всполошилась моя Ирина.

– Беда пришла, откуда не ждали.

– Федя, да скажи ты по-человечески, что стряслось-то?

– С Женей моей беда, – ответил он, едва сдерживая скупые мужские слезы.

– Федор, да мы же ее сегодня утром видели, была жива-здоровая! – подключился я.

– Иваныч, а что толку-то? Теперь от нее одна оболочка осталась. Короче, закодировалась она. Раньше-то, как выпьет, так человек. А теперь – дура душой! И ведь представьте себе, сама закодировалась! Сама! Стервозная стала до невозможности! Подумать только, она теперь меня алкоголиком обзывает!

– Федя, сволочь ты эдакая! – вскричала Ирина. – Ты понимаешь, что меня чуть было инфаркт не хватил?! Да тебе и самому-то надо закодироваться! Ведь все мозги уже пропил!

– Ира, да я в принципе могу и без кодировки не пить. Но у меня нет такого принципа.

В общем, все закончилось тем, что налила ему Ирина. А вот мне запретила категорически. И вдруг вспомнил я утреннюю встречу с Евгенией Васильевной, супругой Федо-

ра. Что-то мне тогда показалось в ней необычным. И тут внезапно озарение снизошло: ведь впервые за многие годы я ее трезвой увидел! Взгляд у нее был ясный, разумный, человеческий! В общем, порадовались мы за Евгению Васильевну, вернувшую себе человеческий облик.

Все фамилии, имена, отчества изменены

Беспокойный День знаний

Небесная канцелярия какой-то слишком педантичной стала. Осень включили строго по календарю: первого сентября. Позавчера было пекло жаркое, вчера – комфортные двадцать с небольшим, а сегодня днем выше плюс тринадцать не поднимется. А вообще, каким-то капризным я стал, все мне не так и не этак. Поэтому обращаюсь почти официально: уважаемые небесно-канцелярские служащие, не обращайтесь на мое брюзжание!

Бригада, которую мы меняем, с последнего вызова еще не приехала, так что пока наркоту не получаю. Ибо она тоже не приехала.

Нда, в «телевизионке» аншлаг полнейший, ни одного свободного местечка. Ладно, тогда пойду, поболтаюсь.

Объявили врачебно-фельдшерскую конференцию. После доклада старшего врача слово взяла начмед Надежда Юрьевна:

– Коллеги, еще раз напоминаю, что все диагнозы мы обязаны ставить в соответствии с МКБ-10. Прекратите уже писать свою любимую «ДЭП 2»! Теперь эта нозология называется «Хроническая ишемия головного мозга». И уж будьте так любезны, обосновывайте этот диагноз! Чтоб не получилось, как у фельдшера э-э-э... не буду называть. Его спрашиваю, на каком основании ты выставил ДЭП? И что вы дума-

ете он ответил? Да потому что больная – дура! Ну слушайте, это уж вообще дикость какая-то! То же самое касается вегетососудистой дистонии. Эта нозология правильно называется «Вегетативное расстройство» или «Дисфункция вегетативной нервной системы». Короче говоря, чтоб я больше не видела ни «ДЭП», ни «ВСД»!

– Надежда Юрьевна! – поднялся с места врач Дружинин. – Но ведь было бы точнее выставить соматоформную вегетативную дисфункцию!

– Олег Александрович, все дело в том, что соматоформная кодируется на «эф» – F45.3, а ставить «эфки» основным диагнозом вы не имеете права. ДЭП – дисциркуляторная энцефалопатия.

На крыльце нещадно чадили коллеги и что-то весело обсуждали.

– О, Юрий Иванович! – обратился ко мне молодой врач Романов. – Хотите, приколом расскажу? Короче, вчера нас вызвали в третью хирургию на инфаркт. Да, вот прямо конкретно на инфаркт, без вопросов. Больной пятьдесят с чем-то лет, после ампутации ноги, говорит, что сердчишко кольнуло, но потом отпустило. Экэгэшку сделали – там все нормально. Да там, судя по жалобам, была обычная межреберная невралгия! А хирург такой: «Да вы что, как это ничего нет, если у него троптест положительный? Ну а я и спросил: «А ничего, что ему ногу отрезали?»».

– Да уж, ситуация занятная! Ну и чего, никуда не возил?

– Нет, конечно. Че я, дурак, что ли?

Занятность ситуации заключалась, конечно же, не в ампутации ноги. Троптест, правильное «тропониновый тест», реагирует на сердечные тропонины – белки, содержащиеся в миокарде. При его повреждении, эти белки поступают в кровь. Вот на них-то тест и реагирует. Но положительный результат возможен и при обширном повреждении скелетной мускулатуры.

Вот и приехала бригада, которую мы меняем.

– Что-то вы загуляли, Анатолий Владимирович! Вон, времени-то уж десятый час!

– Да ну, Юрий Иванович, вот прямо зла не хватает! Кардиограф сломался, стал всем подряд одно и то же писать. А последний-то вызов как раз боль в груди, тут без ЭКГ вообще никак. Так и пришлось на себя бригаду вызывать. Правда, ничего там страшного не оказалось. Так что, Юрий Иванович, берите кардиограф с пункта, а этот – в ремонт.

– Погодите, Анатолий Владимирович, давайте-ка, сначала глянем, может, там демо-режим включен?

– А это чего за фигня?

– Слушайте, я и сам толком не знаю, но это вроде как образец правильной работы кардиографа. Это мне когда-то мастер по ремонту сказал.

Посмотрели и точно, включен этот дурацкий режим! Так что все обвинения в адрес кардиографа оказались беспочвенными, и он был реабилитирован.

Вот и первый вызов прилетел: психоз у мужчины пятидесяти одного года.

Приехали к древнему двухэтажному бараку. Грязное и вонючее жилище представляло собой яркий образец алкопритона. Двое джентльменов классического алкашеского стиля, встретили нас весело:

– Вон, у Кольки опять «белка»! – радостно сказал один из них, показав на своего коллегу, лежавшего на полу в куче тряпья. – Вчера мерещилось, что братва с района на него «наехала» и предъяву кинула³. А сегодня вообще не встает, орет, видать думает, что опять на тюрьму заехал!

Да, судя по тому, что говорил больной, он был полностью дезориентирован:

– Э, командир, мне дачка заехала⁴, давай, тащи уже! Какие запреты, че ты гонишь?

– Так, уважаемый, а ну отвлекись немного! Как тебя зовут?

– Кого я сдал? Каких пацанов я сдал, обоснуй!

– Где ты сейчас находишься?

– Мансур, ты попутал что ли? Когда я из хаты сломился⁵?

Я никогда ломщиком не был, я – мужик по жизни! Кто ме-

³ Кинуть предъяву (*жарг.*) – обвинить в серьезном нарушении блатных понятий.

⁴ Дачка заехала (*жарг.*) – принесли передачу.

⁵ Сломиться из хаты (*жарг.*) – попросить перевода в другую камеру. Считается поступком, недостойным порядочного арестанта.

ня...

Нет, обращаться к Николаю было совершенно бесполезно. Ведь находился он в другом, далеком, белогорячечном мире. У него развился так называемый «профессиональный делирий». Но поскольку Николай не имел постоянной работы, то «профессионализм» был заменен на более привычные ему места лишения свободы. Но как бы то ни было, а такой вид делирия является плохим прогностическим признаком. В самое ближайшее время он сменится мусситирующим или, по-другому, бормочущим делирием. В таком состоянии на смену внятной, связной речи, приходит непонятное, неразборчивое бормотание. Сознание при этом, конечно же, отсутствует. А дальше в большинстве случаев наступает финал не только болезни, но и жизни. Ведь алкогольный делирий – это не банальные «глюки», а сильнейший удар по всем органам и системам. Ну а Николая свезли мы в наркологическую реанимацию.

Не успел освободиться, как тут же дали следующий вызов: живот болит у мужчины двадцати девяти лет.

Открывшая нам пожилая женщина, недовольно сказала:
– Проходите. Делать вам нечего, как ко всяким алкоголикам ездить!

Да, интересная реакция со стороны родственников!

Чистенькая, но давно не видевшая ремонта квартира в «хрущевке». Молодой мужчина в наушниках и ноутбуком на животе, лежал на диване и на первый взгляд, не был похож

на больного. Да и на второй тоже.

– Ой, здрасьте! – обрадованно поприветствовал он нас. – А у меня что-то живот разболелся, вот, решил вызвать, а то мало ли?

– А с чего он у вас разболелся?

– Да фиг знает, я вчера селедки наелся. Может от нее?

– Да ладно, хватит тут языком-то молоть! – не выдержала женщина. – Пить не надо, тогда и болеть ничего не будет! А то селедки он наелся, трепло несчастное!

– Баб, да что ты все выдумываешь? Где я пью-то? – возмутился больной. – Я вчера бокал хорошего вина выпил и что я, алкаш после этого?

– Так хорошее-то вино вы с селедкой пили, что ли? – не удержался я от вопроса.

– Ой, ну нет, конечно! Зачем вы к словам-то придираетесь?

– Тошнота-рвота есть?

– Рвоты нет, а тошнота есть.

– Ну что, в больницу едем?

– Да, конечно, едем! – с радостью согласился он.

– Господи, неужели его вообще нельзя вылечить, а? – расстроенно сказала бабушка. – Ведь я же ему в августе денег дала, чтоб он в наркологичке полежал, «прокапался», а потом закодировался. Так он там прямо в первый же день напился, ну и выгнали сразу.

– Пока сам не созреет, никто его не вылечит. К сожале-

нию, — подвел я неутешительный итог.

Как и ожидалось, живот при пальпации был совершенно спокойным. Однако болезный старательно воспроизводил клинику острого панкреатита. Симуляция была ярко выраженной. И тем не менее, свезли мы его в хирургию, по принципу «как бы чего не вышло». Но это не означает, что в стационары принимают всех симулянтов. В приемном сделают ему общий анализ крови, посмотрят диастазу мочи, и если все будет в порядке, то сразу укажут на дверь.

Какова же была цель симуляции? Думаю, что «прокапать-ся» и из запоя выйти. Ведь на наркологию денег больше нет, а тут бесплатно. Скорее всего, он не понимал, что при панкреатитах и при алкогольной интоксикации, вводятся разные препараты. Да, есть такая категория больных, которые уверены, что капельница — это некое универсальное лекарство, назначаемое при любой болезни.

А теперь поедem на психоз у мужчины пятидесяти шести лет. В примечании сказано, что он во дворе дома психозничать изволил. Вызвала полиция. Видать, решили с нами радостью поделиться.

Во дворе «хрущевки» царил настоящий праздник, со всей необходимой атрибутикой. Здесь были и зрители, и действующие лица в виде двух полицейских и мужичка, прижимавшегося к стене дома.

- Здравствуйте, что случилось? В чем суть мероприятия?
- Суть в том, что вот этот бармалей держит дом и спасает

его обрушения, – ответил один из полицейских.

Героический спасатель грязновато-потрепанного вида, вел себя самоотверженно. Было сразу видно, что он не создает видимость, а изо всех сил удерживает дом.

– Так, уважаемый, сейчас приехала строительная бригада и поставила крепкие подпорки. Теперь можешь отпустить.

Болезный, недоверчиво посмотрев на меня, отошел на пару шагов и тут же мгновенно подскочил обратно.

– Не-не, вы чего, он же падает! Не, вызывайте эмчеэсников! Вызывайте быстро, у меня уже сил нет!

– Тебя как звать-то?

– Валера.

– Когда выпивал последний раз?

– Вчера утром.

Ну что ж, дальнейшие уговоры-переговоры не имели смысла. Мои парни оттащили его от стены, надели вязки и увели в машину. А вот господа полицейские, видимо решили в зрителей превратиться. Хотя вполне могли доставить его в отдел и потом туда нас вызвать.

Когда приехали в наркологию, случилась неприятность. Валера со смехом заявил, что это он просто пошутил. Получалось, что совершенно зря мы его катали и время теряли? И решил я тогда за последнюю соломинку ухватиться. Дайка, думаю, пробу Рейхардта проведу! Взял чистый лист бумаги из своей папочки, показал его Валере и спросил:

– Посмотри внимательно. Что ты здесь видишь?

Тот аж в лице переменялся:

— Нет, а зачем вы мне черта показываете? — возмущенно ответил он. — Это че за дела, я не понял? Вы че, меня чертом, что ли, хотите объявить? Я никогда чертом⁶ не был и не буду!

Валера разошелся не на шутку. Хорошо, что был он слабым и худощавым, мои фельдшеры с ним быстро справились и положили его на вязки. А окажись он амбалом здоровенным, то последствия были бы весьма серьезными. В общем, впервые за свою практику столкнулся я со столь бурной реакцией на, казалось бы, безобидную пробу Рейхардта.

Эх ты, а времени-то уж третий час! Так, ну на фиг, надо на обед проситься, иначе так и будут гонять до конца смены. Все, разрешили.

В этот раз на Центре не было ни одной бригады. Да, значит вызовов полно, все без заездов пашут. Вот только непонятно, откуда такой наплыв? Вроде бы и не выходной, и не праздник, а вот поди ж ты. Нет, День знаний не в счет, ведь ни одного связанного с ним вызова не было.

Только пообедали и собрались было употребить по дозе никотина, как вызов прилетел. Дали перевозку из психоневрологического диспансера в психоневрологический стационар. Хм, давненько нас так рано не сдергивали. А мы и ослабились, привыкли к аристократическому послеобеденно-

⁶ Черт (*жарг.*) имеет два значения: 1) Крайне непорядочный человек, не имеющий ни чести, ни совести. 2) Вконец опустившийся человек, грязный, вонючий, отталкивающий. До 80-х годов прошлого века, таких называли «чушками», с ударением на «а».

му сну. Но темпераментная госпожа Скорая лени и расслабленности не любит, с ней не забалуешь!

Наша добрая знакомая Луиза Александровна, как всегда, радостно нас поприветствовала:

– Здравствуйте, мои любимые! Ой, а где Толя?

– Толя уж третий месяц на больничном. Он же в ДТП попал на своем чертовом мотоцикле. Открытый перелом голени. Ему аппарат Илизарова поставили, так что теперь еще очень нескоро выйдет.

– Да, печально, конечно. Ну что, больной тридцати лет, параноидная шизофрения с непрерывно-прогредиентным течением. Болен с двадцати одного года. За последний год большую часть времени проводит в стационаре. Дома месяцок побудет и опять в больницу. На днях ухудшился, не спал, стал агрессивным, сексуально приставал к своей сестре. Здесь, в коридоре, пока приема ждал, чуть драку не устроил.

– Ладно, сейчас увезем. Всего вам хорошего, Луиза Александровна!

Больной, рыхловато-полноватый, с угреватым лицом, сидел рядом с мамой.

– Здравствуйте, что случилось? Что беспокоит?

– Да вот, опять у него все плохо, – ответила мама.

– Ну а вы, Егор, что скажете?

– Не знаю, у меня каша в голове.

– Мне сказали, что вас «голоса» беспокоят? Правильно?

- Да, правильно.
- Вы их ушами слышите?
- Нет, вот здесь, – показал он на правый висок.
- Они вам что-то приказывают?
- Вон, свет горит.
- И что это значит?
- Освещение хорошее.
- Егор, а из-за чего вы здесь с кем-то поссорились? Мне сказали, что чуть было до драки не дошло?
- Там двое каких-то мужиков обо мне плохо говорили.
- А что они говорили?
- Не, я не буду мат повторять.
- И не надо. Вы бываете дома нечасто и недолго. Все остальное время проводите в больнице. Вы считаете себя больным человеком?
- Да, считаю.
- А вы больны психически, или у вас какая-то другая болезнь?
- Психически.
- А чем психически? В чем это выражается?
- Не знаю, не помню.
- То есть без больницы вы жить не можете?
- Почему, могу. Я психом становлюсь.
- Психом становитесь дома или в больнице?
- В больнице. Дома у меня все нормально.
- И все-таки, как вы считаете, в больницу вас нужно

класть?

– Конечно нужно!

– А еще мне сказали, что вы бываете агрессивным. Это так?

– Ну да, я с матерью и отчимом ругаюсь.

В этом случае шизофрения с ее неперенной расщепленностью была как на ладони. Егор признает себя психически больным, понимает, что нуждается в стацлечении. И даже более того, на вопрос: «Нужно ли вас класть в больницу?», он четко, категорично ответил: «Конечно нужно!». Но вместе с тем утверждает, что и без больницы мог бы прожить, да и вообще, он там «становится психом». И вдобавок, с великим сожалением нужно констатировать дефект личности.

Егорку увезли, все отписал, освободился. Вызов не заставил себя ждать: травма руки с кровотечением у женщины тридцати одного года.

Открыла нам сама пострадавшая. Левая рука в области локтевого сгиба, забинтована. На полу – следы крови.

– Я хотела новое зеркало повесить в ванную, а не удержала, и оно мне по руке попало.

– Ладно, давайте посмотрим.

«Ну ты и мастерица сказки рассказывать!» – подумал я, увидев рану. В локтевой ямке был глубокий линейный разрез, а по обеим сторонам – мелкие надрезики. Это говорило о том, что рана нанесена своей же рукой, а не каким-то случайно упавшим предметом.

– И с какой же целью вы это сделали? – поинтересовался я.

– Ни с какой! Это что за вопросы? – возмущенно ответила пострадавшая. – Я же вам сказала, что случайно зеркало уронила! Что вы меня тут допрашиваете?

Ну что ж, она была права. Не вправе мы требовать от кого-либо правдивых показаний. А потому, прекратил я попытки докопаться до истины и, оказав помощь, свезли ее в травмпункт, шиться.

Следующим вызовом было ДТП со сбитым пешеходом. Ну что за...! Хотя ругайся-не ругайся, а ехать надо, ведь это совсем рядом.

Долетели за пару минут. И бесполезно. Погиб мгновенно от травм, несовместимых с жизнью. Выяснилось, что переходил он дорогу по пешеходному переходу на зеленый свет. Но водитель дорогой иномарки, видимо, был уверен, что Правила дорожного движения его не касаются. Ладно хоть с места ДТП не скрылся.

А теперь поедem к господину Щепкину, тридцати шести лет от роду, у которого в очередной раз шею «прострелило». Добивается инвалидности из-за остеохондроза шейного отдела позвоночника. Говорит, что стал полностью нетрудоспособным. Утверждает, что и зрение ухудшилось, и руки-ноги плохо работают, и давление повышается то и дело. Вот только объективное обследование не подтвердило ни патологии зрения, ни патологии конечностей. Что же касается повышенного давления, то сама по себе гипертоническая

болезнь не является основанием для назначения инвалидности.

Лечился он и в психиатрическом стационаре, в четвертом, так называемом «санаторном» отделении. Правда, совсем недолго. Как только узнал, что там ему никто не собирался «делать инвалидность», так сразу и выписался. Но не просто так, а с фейерверком, то бишь со скандалом и жалобой в департамент здравоохранения.

Главный персонаж, невысокий, светловолосый, чисто выбритый, был бодр и деятелен.

– Так, я буду запрашивать копию карточки, поэтому, пишите все, как положено. А то тридцатого августа у меня была шестнадцатая бригада, так они там почти ничего и не написали!

– Что вас беспокоит?

– У меня опять «прострел» в шее, ничего делать не могу. И еще давление снова подскочило, сто шестьдесят на девяносто и пульс девяносто.

Ну что ж, сделали ему нестероидный противовоспалительный препарат внутримышечно, под язык дали ингибитор АПФ с бета-блокатором. Думал я на этом распрощаться с господином Щепкиным, но от него разве так просто отделаешься?

– А, да, самое главное: не забудьте написать, что у меня все из-за остеохондроза!

– Такое я однозначно не напишу, потому что не вижу вза-

ИМОСВЯЗИ.

– Ну хорошо, тогда с меня жалоба!

– И вам всего хорошего!

Ладно, хоть воспитанный, не хамит, слюной не брызжет.

Да что ж сегодня все, как с цепи сорвались? Ведь вызов за вызовом, без передышки! Какое-то нездоровое начало календарной осени. Теперь поедем на ранение мошонки с кровотечением у мужчины пятидесяти девяти лет.

Дверь приоткрыта, в прихожей свет.

– Хозяева! Есть кто-нибудь? – крикнул фельдшер Гера.

– Ееесть, проходите! – отозвался слабый голос.

На диване лежал бледный голый мужчина с зажатой между ног тряпкой. Нет, расспрашивать о случившемся пока неуместно, не в том он состоянии. На мошонке – колото-резаная рана, которая несильно, но подкравливает. Давление сто на семьдесят, пульс сто пятнадцать.

Обезболили его наркотиком, наладили капельницу с вазопрессором, туалет раны произвели, повязку наложили. И вот, пострадавший ожил, стал поактивнее. Теперь можно и расспросить его:

– Что случилось-то, кто вас так?

– Да ну, стыдно сказать... Ладно, короче, сегодня жена в деревню уехала до субботы. Ну а я взял и подругу привел. Мы это самое сделали, я в душ пошел, Любка в спальне осталась. И вдруг эта собака бешеная своим ключом дверь открыла и ворвалась! Меня, безо всяких слов, кааак ткнет но-

жом прямо в <народное название тестикул>! Я думал, она Любку вообще зарежет, но нет, даже пальцем не тронула! Мне и больно-то, и кровища течет, а эта тварь орет про развод и угрожает меня бомжем сделать! Потом прооралась и ушла куда-то. Да и черт бы с ней, вот только как я без <тестикул-то> теперь буду?!

Да, прямо как в песне получилось: «Любовь нечаянно нагрянет, когда жену совсем не ждешь». После этого увезли мы героя интимного фронта в урологию, боевое ранение залечивать. А вообще правильно говорится: мудрость не всегда приходит с возрастом. Бывает, что возраст приходит один.

Вот на этом и завершилась моя полставочная смена. Хотя, конечно же, не сразу она завершилась. Сначала сообщение в полицию передал, потом наркотик, истраченный на обезбоживание, списал, переоделся. Так и накопились сорок минут переработки. Но не стал я ее оформлять, неуместной была бы моя принципиальность. Ведь не только наша бригада, а все пахали на равных, и никто филонил. Да, беспокойным выдался этот День знаний, а уж по какой причине, так и не удалось мне дознаться.

Все фамилии, имена, отчества изменены

Чудесная смена

Эх и холод с утра завернул: плюс три всего! Пока на остановке стоял, подмерз основательно. Надо было супругу послушать и теплую куртку надеть, так нет же, взял и в легкую ветровку вырядился. Да, что-то раненько предзимье наступило. Хотя, вроде потепление обещают. Ну что ж, поживем-увидим.

– О, Юрий Иванович, вы прям, как Дед Мороз, с красным носом! – сказал фельдшер Панов.

– Вот только неправильный я Дед Мороз: мало того, что раньше срока приперся, так еще и без подарков!

И тут случилось нечто сюрреалистическое и неподдающееся осмыслению. Проходившая мимо пожилая фельдшер Матвеева, сказала: «Во!» и показала мне оттопыренный средний палец. А ведь доселе, Вера Васильевна была интеллигентнейшей женщиной, даже слова ...опа не имевшей в лексиконе.

– Ну и как это понимать? – спокойно поинтересовался я.

– Да как, палец порезала об разбитую ампулу!

– А, вот теперь понятно! Ну и замечательно!

– Нет, я не поняла, а что здесь такого замечательного? Вы какой-то странный, Юрий Иванович!

– Вера Васильевна, простите, пожалуйста, но я сперва решил, что вы мне неприличный жест показали!

– Ну тогда вы не странный, а очень испорченный! – укоризненно сказала она и улыбнулась.

Объявили конференцию. Ладно, пойду, послушаю. После традиционного доклада старшего врача, слово взял главный:

– Коллеги, у меня для вас радостная весть! Выписался наш всеобщий любимец Вершков, без которого мы все очень скучали! И сейчас я зачитаю вам его жалобу. И так: «Восьмого сентября, я вызвал себе скорую помощь, потому что у меня распух мозг и прекратилось кровообращение. Ко мне приехали мужчина и женщина с лицами, как у фашистских палачей. Они мне сделали ядовитый укол, от которого у меня перестали работать сердечные клапаны и сгорело правое мозговое полушарие. Требую отдать под суд этих убийц, садистов, негодяев и извергов!». И еще тут написано, что эти жалобы он разослал в прокуратуру, полицию, ФСБ и Следственный комитет. Вот, как-то так, уважаемые коллеги.

– Опять он глумиться начал! – возмущенно воскликнула фельдшер Тихонова. – Ну неужели с ним ничего нельзя сделать, а?

– Можно, сейчас родственники оформляют его в интернат.

– Ооо, это дело нескорое. Пока его оформят, он так и будет безобразничать, – недовольно ответила Тихонова.

– Ну а что еще? Госпитализировать его против воли нельзя, потому что он ни для себя, ни для окружающих опасности не представляет. Во всяком случае, с топором не бегают.

Коллеги, если вопросов больше нет, то всем спасибо!

Этому шалуну-затейнику пятьдесят один годик. Он страдает, а может и наслаждается шизофренией в совокупности с органическим поражением головного мозга. Виктор Сергеевич не одинокий, не брошенный. Живет с сестрой в благоустроенной квартире. И главный врач здесь полностью прав: оснований для недобровольной госпитализации нет. Теоретически, конечно, можно усмотреть в его действиях заведомо ложный донос и обратиться в полицию с заявлением о применении принудительных мер медицинского характера. Вот только судебная перспектива такого дела представляется весьма сомнительной.

Возле крыльца что-то со смехом обсуждали коллеги.

– Юрий Иванович, хотите прикол? – обратился ко мне фельдшер Белов. – У нас на третьей подстанции живет кот Степка. Рыжий, крупный такой, классный котяра! А в позапрошлую смену пришел дворник и сказал, что там на обочине Степка лежит, мертвый. Видать, машиной сбило. Мы прибежали, смотрим – точно он! Принесли его на подстанцию, завернули в одноразовую простынку и похоронили. Причем, с почестями: сирену включали. Женщины всплакнули. А в прошлую смену, что вы думаете? Настоящий Степка вернулся!

– Ну значит, долго жить будет ваш Степан!

Вот и первый вызов прилетел: человеку плохо, причина неизвестна, восемьдесят шесть лет. Хм, Коновалов Федор

Григорьевич... Откуда же я его знаю? Нет, это не ложное узнавание. О, вот теперь вспомнил – это же бывший завкафедрой функциональной диагностики Института последипломного образования! Давно, лет двадцать назад, он у нас на скорой учебу проводил по ЭКГ-диагностике. Помню до сих пор его любимый клинический случай атипичного инфаркта миокарда, выразившегося в головной боли.

Дверь открыла немолодая приятная женщина и удивленно-растерянно спросила:

– Ой, а вы к кому?

– К Федору Григорьевичу.

– А кто вас вызвал-то?

– Написано, что сам. А что, ему уже не плохо?

– Коллега, я его дочь, врач-невролог. У него сосудистая деменция. Соматически он неплох для своего возраста, а вот психически... Когнитивные нарушения грубейшие. Меня-то еще узнает, а вот моего мужа и внука, бывает, что не всегда. Хотя, как ни странно, кардиограммы читает отлично. Мы пробовали телефон ему не давать, так он, знаете, как ругается! Вон он в своей комнате, сидит, чаек попивает. Проходите, поговорите с ним.

Да, действительно, сидит в кресле с книгой, рядом кружка стоит.

– Здравствуйте, Федор Григорьевич! Что случилось?

– О, приветствую вас, Александр Петрович! – обрадованно протянул он мне руку. – Как вы, как сынок?

– Федор Григорьевич, прошу прощения, но я не Александр Петрович. Мы – скорая помощь, вы нас вызвали. Что вас беспокоит?

– А, да-да, ведь ваш главный врач попросил занятия провести по электрокардиографии! Вы присядьте, пожалуйста, сейчас Татьяна Федоровна вам кофейку сделает. А я быстренько пособия соберу и поедем! Но я надеюсь, что обратно вы меня увезете?

– Господи, папа! – не выдержала дочь. – Какие занятия? Ну зачем ты скорую-то вызвал? Перестань, пожалуйста!

– А чего такое, Танюш? Чего случилось? Я ведь только консультацию проведу и все, а потом поедем к бабушке!

– Ну ладно, Федор Григорьевич, мы вас искренне благодарим, ваша консультация нам очень помогла!

– Владислав Николаевич, обращайтесь в любое время, всегда рад!

Да, вот такая дрянная штука эта сосудистая деменция, а проще сказать, приобретенное слабоумие. В ее основе лежит массовая гибель нервных клеток из-за недостаточного кровоснабжения головного мозга. Грубо говоря, от голода они умирают. Наиболее частой причиной является атеросклеротическое поражение сосудов головного мозга.

Мне неоднократно задавался вопрос, можно ли предупредить развитие деменции интеллектуальными упражнениями? Да хотя бы, например, разгадыванием кроссвордов? Так вот, здесь на первом месте стоит медикаментозная терапия,

направленная на улучшение мозгового кровообращения и восстановление нормальных когнитивных функций. К сожалению, ничем другим это лечение заменить нельзя. Иначе мозг может серьезно обидеться. Скажет, да что же это за издевательство? Я тут от голода погибаю, а мне вместо еды какие-то игрушки подсовывают! Нет, отказываться от интеллектуальных тренировок ни в коем случае нельзя. Просто они должны проводиться не вместо лечения, а параллельно с ним.

Только освободился и сразу следующий вызовок получил: перевозка тридцатилетнего больного из психоневрологического диспансера в психиатрический стационар.

Врач-психиатр Игорь Владимирович рассказал:

– Шизотипическое расстройство, больной инвалид детства. С четырнадцати лет бродяжничает. Последний раз аж в Красноярск умотал, а родителей не предупредил. Представьте себе, уехал, никому ничего не сказал и пропал на два месяца! Его уже в розыск объявили, а он взял и появился! Сюда пришел по настоянию родителей, потому что никому житья не дает, скандалит, придирается ко всему, стал угрожать расправой.

– Понял, сейчас увезем.

Больной, хоть и опрятно одетый, выглядел каким-то потрепанным. Сколько раз зарекался не беседовать с «перевозочными» больными, но не могу отучиться. Что-то претит мне превращаться из врача в извозчика.

– Здравствуйте! Артем, что беспокоит? Жалобы есть?

– Нет никаких жалоб, – сквозь зубы ответил он.

– Артем, скажите, пожалуйста, а почему вы из дома уходите?

– А вы вот у этих спросите! – кивнул он на сидевших в отдалении родителей.

– И как это понимать? Они вас выгоняли, что ли?

– Нет, прямо не говорили, но давали понять, что я для них обуза. Вот почему-то братцу моему, алкашу конченному, они ничего не высказывают. А меня решили опять закрыть в больнице.

– Мне сказали, что вы конфликтуете.

– Нет, ну как... Просто я человек прямой, если мне что-то не нравится, я говорю прямо в лоб, не стесняюсь.

– Ну а почему вы выбрали именно Красноярск?

– Да я особо-то и не выбирал. Так, спонтанно получилось.

– А вы, прежде чем куда-то отправиться, что-то читаете, собираете информацию о городах?

– Нет, а зачем? Географию я знаю, в школе у меня «пятёрка» была.

– А как же вы туда добирались, ведь Красноярск все же не ближний свет?

– До Москвы на поезде, а оттуда на электричках. А вот раньше, я мог и по шестьдесят километров в день пешком проходить.

– Дааа, вы серьезный путешественник! А вы в одиночку

путешествуете? С кем-то знакомитесь?

– Нет, конечно. Еще не хватало на криминал нарваться! Только в гордом одиночестве и никак иначе.

– А в других городах вы обращали внимание на достопримечательности? Вот, например, в Красноярске?

– Да, там ГЭС очень мощная.

– Ну вы хоть пофотографировали?

– Нет, как-то даже и не думал об этом.

Диагноз Артема – шизотипическое расстройство, был полностью оправдан. Кто-то может возмутиться, мол, как же получается, всех, кто любит путешествия и перемену мест, нужно объявлять психами, что ли? Нет, ни в коем случае! Ведь настоящий путешественник, отправляясь в новые края, непременно поинтересуется ими хотя бы для того, чтоб свести к минимуму всевозможные неприятности. Кроме того, побывав где-то впервые, человек не только от души нафотографирует, но и обязательно поделится впечатлениями. А вот Артем монотонен, абсолютно неэмоционален, и только глубоко посаженные глаза смотрят зло, настороженно. Ни о каких впечатлениях даже и речи быть не могло, поскольку не ради них он путешествовал. Цель его была другой: уход не только от общества, но и от самого себя, от собственных проблем.

Уважаемые коллеги могут поинтересоваться, а почему бы не диагностировать гебоидную⁷ шизофрению? Ведь больной

⁷ Гебоидная (гебефреническая, гебефренная) шизофрения отличается антисо-

же бродяжничал? Да, он действительно бродяжничал, но при этом, не знался с маргиналами, не совершал антисоциальных проступков, не употреблял психоактивные вещества. Ну и наконец, постараюсь ответить еще на один вопрос: почему именно шизотипическое расстройство, а не шизофрения? По одной простой причине: у Артема не было психотики: бреда, галлюцинаций, расстройств сознания и двигательных нарушений. Однако присутствовала иная шизофреническая симптоматика: расстройство эмоций, странноватое поведение, холодность, социальная отгороженность. Да еще и шизофреническая разлаженность явственно чувствовалась.

Следующий вызов ждать себя не заставил: ранение шеи с кровотечением у мужчины тридцати четырех лет. И охватило меня очень нехорошее предчувствие. Точнее сказать, явственное чувство грядущей ...опы. И спорить бесполезно, ведь мы – ближайшая свободная бригада. Черт его дери этот мой скоропомощный сертификат!

– Володя, давай включай светомузыку! – обратился я к водителю.

– Да ладно, Иваныч, чего случилось-то? – спросил он с таким изумлением, словно я потребовал в космос полететь.

– Володя, там ранение шеи с кровотечением. Включай, тебе сказали!

циальными установками, крайним негативизмом, бессмысленной оппозицией к общепринятому образу жизни, противопоставлением себя обществу. Кроме того, такие больные зачастую демонстрируют дурашливость и детское повеление. Но, это не безобидная веселость, а холодная злобность.

– Ой, да ладно, Иваныч, они там понапишут. Приедешь, а там несчастная царапина, – скептически ответил он, но все же послушался.

Долетели меньше, чем за пять минут. Добротный двухэтажный коттедж. Калитка открыта. Со двора слышится громкий женский крик и плач. Подбежали и видим ужасную сцену: перед лежащим на земле мужчиной, на коленях стоит молодая женщина, трясет его за плечи и пронзительно кричит:

– Паша, Паша! Ну не надо, Павлик, не умирай, пожалуйста! Не умирай, не оставляй меня, ну пожалуйста!

Сознания нет и в помине. Справа на шее, в проекции сонной артерии, линейная рана, без признаков продолжающегося кровотечения. Зато, кровь везде вокруг. Давление шестьдесят на ноль. Так, быстро лить, лить и лить. Эх, хорошо сказать «быстро»! Надо сперва венозный доступ обеспечить. А вот тут проблема: без давления-то вены ушли, попрятались. Но вот, наконец, подкололись мои парни. А что толку? Давление по нолям и вот она, клиническая смерть! Начали реанимацию, хотя сразу было понятно, что все наши старания бесполезны. Почему понятно? Да потому что пострадавший потерял большую часть крови, а без восполнения ее объема, реанимация заведомо безуспешна. Какой смысл теребить пустое сердце? Все, констатировал.

Новоявленная вдова рассказала, что Павел чего-то пилил «болгаркой», диск лопнул, и один из обломков попал в шею

сбоку. Он его выдернул и тут же началось сильнейшее кровотечение. Испуганный и растерянный, Павел стал бегать и метаться, но в конце концов упал, потеряв сознание. И если бы не вытащил он этот обломок, то глядишь, и жив бы остался. Но, от моих если бы, да кабы, уже ничего не изменится.

Так, ну что, в принципе, можно бы и пообедать. Однако мои принципы диспетчеру были неинтересны, и она пульнула еще вызов. Поедем на психоз к женщине семидесяти лет. Вызывает фельдшерская бригада.

Фельдшер Светлана Конева стала самостоятельно работать недавно, психическое расстройство встретила впервые, а потому была несколько растеряна.

– Вот, Юрий Иванович, поговорите с Анной Васильевной. Повод к вызову был «болит живот», но она утверждает, что на нее кто-то воздействует. А кстати, с животом все нормально!

Больная в неопрятном халате, со спутанными седыми волосами только и ждала, чтоб ей наконец-то дали слово.

– Сейчас я вам все расскажу подробно. Еще на прошлой неделе я почувствовала, как на меня кто-то начал воздействовать. Лежу и вдруг чувствую, что меня всю наэлектризовали! Подошла к зеркалу, смотрю, а у меня из глаз искорки полетели! Ну знаете, когда одежду снимаешь, а она искрит и потрескивает? И тут так глаза стало резать, слезы потекли! Ну, думаю, сейчас ослепну! Быстрее промыла прямо под краном и потом, гляжу, все прошло. Тут уж я поняла, что на

меня магнитным полем воздействуют. Потом во всей квартире такая вонь страшная появилась, как будто жженой резиной! Чувствую, что сейчас задохнусь, все окна пооткрывала и быстрее к участковому побежала. Да разве его застанешь? Поехала в отделение. Там со мной очень серьезный мужчина поговорил. Сказал, чтоб не волновалась, они все знают и у них все под контролем.

– Понятно. Ну а сегодня и вообще, в эти дни, на вас кто-то воздействовал?

– Конечно! Теперь мне начали на желудок воздействовать. Сегодня я почему и вызвала скорую, потому что почувствовала, как желудок раздувается. Удивляюсь, как он не лопнул! Ну а потом, эта электризация так и не проходит. С глазами, правда, все нормально стало, но само-то электромагнитное поле я чувствую. Ведь я же по образованию инженер-энергетик, уж поверьте, я знаю, что говорю! И эта вонь продолжает появляться. Так ведь они же стали за мной на машинах следить. Вчера только подошла к магазину, смотрю, машина фарами моргнула. Потом уже у дома, опять моргнула!

– Анна Васильевна, а они с вами никак не общаются? Ничего вам не говорят?

– Нет, никто ни слова.

– А вы не думали, кто это может быть?

– Нет, не думала и не хочу. Мне нужно, чтоб меня просто оставили в покое!

– Ну а не старались понять, зачем им нужна одинокая по-

жилая женщина?

– А чего тут понимать-то? Хотят квартиру мою отнять, вот и все, понимание!

– Анна Васильевна, я вам предлагаю поехать полечиться. Сами вы с этой бедой не справитесь.

– Ой, так как же я квартиру-то брошу?

– Вы ее и не бросите, просто запрете и все.

– Ладно, только давайте я сейчас сестре позвоню, попрошу, чтоб приехала.

Вопреки строжайшему распоряжению главного, пробыли мы на этом вызове аж полтора часа. Да, вот такая наша бригада, в конец обнаглевшая. Ну а что делать? Анна Васильевна до приезда сестры категорически не желала никуда ехать. А просто взять и уйти я не мог себе позволить. Ведь надеяться «на потом» было нельзя: неизвестно, не передумает ли она лечиться. Ну а без помощи, с огромной долей вероятности, ее заболевание может окончиться весьма плачевно. Итогом будет смерть, но не телесная, а личностная.

Что же такое было у Анны Васильевны? В документации поставил я ей галлюцинаторно-параноидный синдром. Но, разумеется, этот диагноз не был окончательным. По моему скромному мнению, здесь имел место функциональный психоз Майер-Гросса, особенный вид сенильных, проще говоря, старческих психозов. Чем он хорош, так это своим прогнозом. При своевременно начатом лечении, психическое состояние быстро приходит в норму. Вот по этой-то причине, я

столь страстно возжелал госпитализации Анны Васильевны.

Этот психоз, конечно же, нужно дифференцировать с поздней шизофренией. Но не возникло у меня чувства этой болезни. Анна Васильевна не была монотонной, все ее эмоции живые, полностью адекватные переживаниям. Не ощутил я в ней разлаженности, закрытости, недоступности. Ну и в качестве итога, повторю сказанное многократно: решающее слово в диагностике остается за коллегами из стационара. Одна читательница как-то спросила, а почему же вы сами не можете диагностировать? Да по одной простой причине: психиатрические диагнозы крайне серьезные, основательны и тяжеловесны. Они могут оказать глобальное, революционное воздействие на всю последующую жизнь пациента. Именно поэтому, такие диагнозы нельзя рисовать легким росчерком пера, мимоходом.

Ну вот, наконец-то разрешили пообедать. А на Центре-то жизнь кипит и ключом бьет! Бригад так много, что и не считаешь! Чудеса чудесные! Это получается, что вызовов почти нет. Сколько ни старался, но так и не смог найти причину наплыва и спада вызовов. Вот, как раз старший врач Александр Викентич поднять вышел.

– Викентич, слушай, это что за дела-то? Ты посмотри, ведь почти все бригады на Центре!

– Иваныч, и сам не понимаю, как так получается: то густо, то пусто. Никак я эту закономерность не уловлю!

– Во-во, и я тоже!

Первым делом сообщение в полицию передал по смерти от «болгарки». Потом пообедал. Ну а дальше по обыкновению принял горизонтальное положение. И, как оказалось, весьма продуктивно: почти до пяти часов проспал. Нет, разбудил меня не вызов, а фельдшер Герман:

– Иваныч, подъем! Вы что, спать сюда пришли? И вообще, где ваша совесть?

– Эх, Гера, я свою совесть в третьем классе на жевачку променял!

Да, Герман, конечно же, правильно поступил: излишний, да еще и несвоевременный сон, идет только во вред. А вызов дали только в половине шестого: психоз у женщины шестидесяти семи лет.

Подъехали к старому бревенчатому частному дому. У калитки встретили нас мужчина и женщина.

– Здравствуйте, я ее сын. Она мне позвонила, сказала, что какой-то мужик под столом сидит и не вылезает. И мужик-то, говорит, необычный, а с четырьмя руками! В общем, допилась она.

– Давно пьет-то?

– Да всю жизнь. Но раньше-то, когда работала, все-таки меру соблюдала. А как на пенсию пошла, так вообще начала в три глотки. Каждый день то пьяная, то с*аная. Обижается, что внук к ней не ходит. А чего ему тут делать-то? На пьяную рожу любоваться что ли?

Больная встретила нас с радостным удивлением:

– О-о-о, никак скорая приехала! Идите-идите, посмотрите на этого красавца! Как он туда запоролся-то?

– Ну и где он?

– Да что вы, ослепли, что ли? Давайте я вам фонариком посвечу? Нет, вы лучше скажите, почему у него четыре руки-то, а? Может, он инопланетянин какой?

– Так, Нина Евгеньевна, поедemте в больницу, а мужика этого мы потом выгоним.

– Нет, стоп, а кто вас просил его выгонять-то? Сначала надо проверить, сколько у него членов. И если не один, так я его себе оставлю!

– Хорошо, договорились, давайте, собирайтесь уже!

– Дык, а зачем в больницу-то?

– Надо, надо, Нина Евгеньевна! Обследуетесь, здоровье поправите.

Ну что тут сказать? Допилась болезная до делирия. Свезли мы ее в наркологию. Вот только уже заранее известно, что от лечения никакого толка не будет. Нет, из делирия-то ее выведут, а вот алкоголизм с его физической и психической зависимостью, никуда не денется. И не нужно быть пророком, чтобы предсказать недолгую последующую жизнь Нины Евгеньевны.

И как оказалось, на сегодня этот вызов был для меня последним. Эта смена прям какой-то чудесной получилась!

А на следующий день... Небось думаете, что начну в сотый раз повторять про дачу и лес? А вот и нет! Рано утром

проснулся я от жутчайшей зубной боли. Подбежал к зеркалу и в ужасе отшатнулся. Из страшного зазеркалья, на меня уставилась кошмарная гнусная рожа. Отек был мощным, качественным. И вот тут я запаниковал. Нет, не из-за своей внешности, а от того, что больные зубы находились под коронками, на которые надеваются протезы. Ну, думаю, теперь предстоит удаление и новое протезирование. А это катастрофа натуральная! Да тут еще и супруга масла в огонь подлила:

– Ой, Юра! – вскрикнула она. – Что с тобой случилось-то?

– Ты, Ира, не переживай, я осенью завсегда в вурдалака превращаюсь. Так что, теперь ты будешь называться «вурдалачихой». Нет, ну временно, конечно.

– Юра, ты совсем дурак что ли?

– Да, Ира, у меня и справка имеется!

Хочешь-не хочешь, а нужно ждать, как минимум, до восьми часов. Принять бы антибиотик, так ведь нет ничего. В аптечке всякая ерунда валяется. Ну да, вот он классический пример сапожника без сапог. А потом меня осенило! Дайка, думаю, позвоню Алексею Андреевичу, стоматологу, который мне в свое время зубы ставил. Хотя и не надеялся, ведь времени прошло много, вполне возможно, что и уволился он оттуда. Но, к великому счастью, мои опасения не оправдались. Ответил он и велел прийти к десяти.

Оказалось, что все не так уж и страшно. С правой «четверки» снял он коронку, распломбировал и канал почистил. Потом хороший разрез сделал для оттока отделяемого. Ну а

далее, купил я антибиотик, антигистамин длительного действия, антисептик для полосканий, ну и, конечно же, нестероидное противовоспалительное средство. Несмотря на интенсивное лечение, все это безобразие держалось долго. Взял больничный. Ну а куда деваться? Какой из меня работник в таком-то состоянии? Но в конечном итоге, все прошло. Почти. Во всяком случае рожа вновь стала лицом. Ну а катастрофы с повторным протезированием не случилось. Все обойдется малой кровью: когда воспаление полностью уйдет, канал запломбируют и потом изготовят новую коронку. Так что еще поживем и поработаем! И вообще, жизнь продолжается!

Все фамилии, имена, отчества изменены.

Слабоумие и отвага

Наконец-то вернулось ко мне где-то загулявшее здоровье. И как же приятно осознавать, что в организме твоём все в порядке, и никакие непотребства не творятся! Вот только, к сожалению, не ценим мы это благополучие, да и вообще не замечаем, воспринимая его, как должное.

Пока еще тепло не ушло, но зато дожди зарядили. Да, поздновато спохватилась небесная канцелярия. Ведь как говорится, дорога таблетка к поносу. Но ничего, надеюсь, что в следующем году не будет такого погодного беспредела.

Кругом зонты раскрытые лежат, еле место для своего нашел. А уж полы-то на что похожи!

Все везде мокрой грязью обшлепано. Уборщица Елена Ивановна даже и не пытается порядок наводить, ждет восьми ноль-ноль, когда основная масса народа по домам разойдется, да по вызовам разъедется.

Объявили конференцию. Как всегда, в начале доклад старшего врача. В числе прочего сообщил он о смерти молодой женщины до приезда бригады. Со слов родственников, ничем серьезным не болела, ни на что не жаловалась. Внезапно почувствовала себя плохо и сознание потеряла. Ну а бригаде осталось только констатировать.

Сидевший рядом со мной врач Костин сказал мне:

– Сейчас Надежда Вячеславовна будет про остеохондроз

вещать. Она уже во всех сменах про это говорила.

И точно!

– Уважаемые коллеги! Давайте уже будем уходить от диагноза «Остеохондроз». Если кто забыл, напомним, что это заболевание далеко не единственное, вызывающее боли в спине. На догоспитальном этапе вообще желательно отдавать предпочтение синдромальным диагнозам. Ну разумеется не во всех случаях, а только в тех, когда это уместно. Предлагаю вам использовать нозологии «дорсалгия» или «дорсопатия».

Дальше слово взял главный фельдшер Андрей Ильич.

– Уважаемые фельдшеры и медсестры! Когда вы готовите отчеты на аттестацию, не теряйте здравый смысл и не приписывайте себе несуществующие заслуги! Вот, например, фельдшер, не буду называть, пишет, что с начала года выполнила аж восемнадцать интубаций трахеи! Ну слушайте, уж давайте не будем людей смешить! Ведь врач реанимационной бригады столько не делает, а фельдшер общепрофильной – пожалуйста! Кроме того, в клинических примерах лечение нужно расписывать строго по стандартам, безо всякой отсебятины. Еще пример: фельдшер пишет, что болевой синдром при инфаркте был купирован закисью азота. Какая закись? Откуда, из какого бреда такое берется? Когда вы в последний раз видели в машинах наркозники?

Да, с Андреем Ильичом нельзя не согласиться. Вот только нужно отметить, что такие грубые ляпы допускают не работники, а те, кто за них отчеты пишет. Конечно же, с работни-

ков это ответственности не снимает. Уж если ты не в состоянии подготовить отчет самостоятельно, то хотя бы потрудишься прочитать, что тебе написали. Здесь замечу, что речь идет не о сдаче отчетности, а о подготовке к аттестации на присвоение квалификационной категории. Формально, аттестация – дело добровольное. Но, если хочешь регулярно получать доплату, то пройти эту процедуру нужно.

Вот и первый вызов прилетел: носовое кровотечение у женщины тридцати одного года. Ну да, кому же еще этот вызов дать, как не психиатрической бригаде? Ладно хоть на какой-нибудь ужастик не послали, типа «без сознания», и на том спасибо! И все-таки, вот так бездумно кидаться спецбригадой, мягко говоря, неправильно.

Дверь нам открыла женщина с разлохмаченными волосами, прижимавшая к носу полотенце. Нда, тут даже человеку, далекому от медицины, стал бы очевиден перелом костей носа. Вот тебе и причина кровотечения.

– И что же с вами случилось?

– Так, упала неудачно...

– Хм, это как же вас угораздило упасть-то? В квартире, что ли?

– Нет, не в квартире, на улице.

– Так вроде там не скользко?

– Да просто за что-то запнулась.

– Ладно, не хотите, как хотите. Я не полицейский и допрашивать не вправе.

Вдруг из прихожей раздался мужской голос:

– Э, але, ты че, <самка собаки>, скорую, что ли, вызвала?

И через мгновение к нам влетел крайне разъяренный мужчина в ярко-красной куртке. Влететь-то он влетел, вот только вся его ярость испарилась моментально. Ну а как иначе, ведь он же не идиот и не супермен, чтоб с двумя молодыми крепкими парнями сражаться.

– Ну и чего дальше? – флегматично поинтересовался фельдшер Герман.

– Ты говори-говори, не стесняйся, – предложил фельдшер Виталий.

– Да ничего я не хотел! Ну, точнее, хотел спросить, что случилось.

– А вот это ты у самого себя спроси, – ответил я.

– Не, а чего я-то? А чем вы докажете, что это я? Нет, вы сначала докажите!

– А с чего ты решил, что я буду что-то доказывать? Просто передам сообщение в полицию и всех делов, – ответил я.

– Какая полиция, вы чего?! Света, скажи им, ну че ты молчишь сидишь?!

– Нет, а при чем тут Света? Сообщать будет не она, а я.

– Ой, да ладно, черт с вами, сообщайте куда хотите! – в сердцах сказал он и быстро вышел.

Конечно же, к уголовной ответственности никто его не привлечет. Вред здоровью Светланы будет квалифицирован, как небольшой тяжести. Уголовные дела по таким преступ-

лениям возбуждаются только по жалобе потерпевшего. А в данном случае нетрудно предугадать, что Светлана никаких жалоб не подаст. Но, как бы то ни было, а передать сообщение я обязан. Светлане мы помощь, разумеется, оказали, после чего свезли ее в ЛОР-отделение. Кстати сказать, «ЛОР» расшифровывается как «ларингооторинология».

Следующий вызов прилетел мгновенно: травма руки и головы у мужчины сорока восьми лет. В примечании – лаконичное пояснение: упал с велосипеда.

Пострадавший, извалянный в грязи, ожидал нас, сидя на заднице, в скверике. И надо ли говорить, что этот господин был пьян до полного великолепия? Лично у меня слишком бедная фантазия чтоб представить, как можно ехать в таком состоянии. Нет, среди автомобилистов, конечно же, встречаются уникамы, которые в пьяном виде едут намного лучше, чем идут. Но вот с велосипедом такой номер однозначно не пройдет.

Асфальтовая дорожка оказалась мстительной. Свезла она болезному физиономию и причинила вывих правого плечевого сустава. Обезболили мы его, прочую помощь оказали по стандарту, после чего в травмпункт свезли. Хотя, легко сказать, «свезли»! Про то как в салон велосипед закорячивали, можно отдельную сагу сложить.

Так, велено на Центр следовать. Ну что ж, следуем, конечно. Вот только без особой надежды на Надежду. Уж простите за такой каламбур, просто имел в виду, что диспетчер вряд

ли позволит нам доехать. Но нет, не обманула Надюша. Да, такое нечасто бывает, чтоб в неурочное время на Центр запустили.

Ну а на Центре нарисовался перед нами сантехник Леша. Вид его тревожно говорил о том, что с минуты на минуту, автопилот выйдет из строя.

– Леша, – говорю, – да как же ты работать-то будешь? Ведь покалечишься <на фиг>! А еще хуже, если на Михалыча нарвешься в таком-то виде!

– А что делать, Иваныч? У меня гипотония, и поэтому я должен пить! – обреченно ответил он.

Да, со специалистом не поспоришь. Как-никак, этот уважаемый человек более двадцати лет на скорой трудится.

Только сдал карточки, как дали вызов: перевозка больной семидесяти шести лет из психоневрологического диспансера в психиатрический стационар. И зачем, спрашивается, нас нужно было на Центр запускать? Чудны дела твои, Надежда...

И вновь автором направления был Игорь Владимирович.

– У больной сосудистая деменция. У нас наблюдается меньше месяца, но со слов мужа у нее еще раньше все началось, вроде как полгода назад. Дезориентирована, не помнит свой домашний адрес, не знает какой сейчас месяц и год. Муж сказал, что совсем расчудилась. Не так давно потерялась, но говорит, что нашли без полиции, своими силами. Когнитивные нарушения у нее развиваются не постепенно,

а какими-то ступеньками. То ухудшится, то улучшится.

– Ну в общем-то как и положено при сосудистом генезе.

– Да, именно так. Муж настаивает на госпитализации, да и она согласна.

– Понял, сейчас увезем!

Больная, опрятная, хорошо одетая пожилая женщина, скромно сидела на банкетке рядом с мужем, который сразу к нам подошел:

– Здравствуйте! Вот, привел я ее, чтоб в больницу положить, может, получше будет? А то ведь так чудит, что спасу нет! Позавчера вышла у подъезда на лавочке посидеть, потом смотрю, а ее там уже нет. Я давай скорей зятю звонить. Он приехал, и нашли мы ее, хорошо, что ушла недалеко. А вчера свою племянницу не узнала. Говорит: «А вы кто такая? Я вас не знаю!». А та разобиделась и ушла! Представляете? Ну не дура ли, а? Уж должна бы понять, что она – больной человек! Чего обижаться-то?

– Да, все ясно. А теперь, давайте я с ней побеседую. Мария Андреевна, здравствуйте, что вас беспокоит? Жалобы есть?

– А чтой-то вы спрашиваете? – возмущенно спросила больная. – Чего вам надо?

– Мария Андреевна, я – врач и хочу вам помочь. Вас что-то беспокоит?

– У меня голова болит, и не ем ничего, ноги совсем не ходят. Помогите, пожалуйста!

– Обязательно поможем, полечим вас. А где вы сейчас на-

ходитесь?

Больная огляделась вокруг и ответила, как само собой разумеющееся:

- На автовокзале. Мы в деревню поехали.
- Понятно. А сколько вам лет?
- Ровно пятьдесят. Недавно юбилей отметила!
- Хорошо, а какой сейчас год?
- Август?
- Нет, сейчас сентябрь к концу подходит. А год какой?
- Две тысячи девятьсот четвертый.
- Ну а свой домашний адрес помните?
- Ой, да что-то забыла...

Скорее всего, у Марии Андреевны сосудистая деменция. Почему «скорее всего», а не точно? Сейчас расскажу, но, прежде всего, нужно разобраться с терминологией. Вообще, деменция – это приобретенное слабоумие. Некоторые спрашивают: «Чем отличается деменция от болезни Альцгеймера?». Так вот, просто деменция, без добавления слова «сосудистая», представляет собой лишь одну из составляющих болезни Альцгеймера. А вот сосудистая деменция в МКБ 10 вынесена в отдельную рубрику и включает шесть заболеваний, являющихся нозологическими единицами. Проще говоря, это самостоятельные заболевания, а не отдельно взятые симптомы. Игорь Владимирович из этих шести разновидностей выбрал F01.9, то есть не уточненную. И правильно сделал, поскольку больной не назначалась нейровизуали-

зация – методы исследования головного мозга, позволяющие в наглядной форме отобразить особенности его структуры и функционирования. Сюда относятся, прежде всего, общеизвестные КТ или МРТ. Ну а теперь, что касается ее отличий от болезни Альцгеймера, то их лучше искать в результатах упомянутых КТ или МРТ. Так точнее будет.

Почему я больше склоняюсь к сосудистой деменции у Марии Андреевны? Да из-за того самого «ступенчатого» течения болезни. Помните, как сказал Игорь Владимирович? «То ухудшится, то улучшится». Болезнь Альцгеймера так не протекает. Без лечения, при ней не бывает заметных улучшений. Что касается прогноза, то, как ни странно, для психики Марии Андреевны еще не все потеряно. Ведь сосудистая деменция под влиянием лечения может регрессировать. Нет, конечно же, человек уже не станет прежним, однако сможет вновь ориентироваться, хотя бы, в повседневных бытовых вопросах.

Следующим вызовом был психоз у женщины семидесяти двух лет в пульмонологическом отделении одной из городских больниц.

Немолодой усталый врач рассказал:

– Она уж не первый раз к нам поступает с ХОБЛ⁸. Все время нормальная была, адекватная, вроде как непьющая. А сегодня вдруг психозище выдала совершенно непонятный. Начала по всему отделению бегать, потом в мужскую палату

⁸ ХОБЛ – хроническая обструктивная болезнь легких.

пришла и легла на койку. Больной попытался ее прогнать, а она его <на фиг> послала и пригрозила полицию вызвать. Так там и уснула, уж не стали ее будить до вашего приезда. Как говорится, не буди лихо...

Несмотря на наши усилия, больная не просыпалась. Да и немудрено, потому что это был не сон, а кома. Точнее сказать, кома I–II. Измерили глюкозу – нормальная, да и диабета в анамнезе нет. Интоксикация, травма, ТЭЛА⁹, исключаются. На ЭКГ ничего жизнеугрожающего. Значит, что остается? Конечно же, ОНМК¹⁰, а в общепонятной терминологии – инсульт! И психические нарушения с ним прекрасно сочетаются¹¹. Оказали мы помощь по стандарту и в нейрососудистое отделение свезли. Ну а там, на КТ, мой диагноз полностью подтвердился.

Вот и обед разрешили. В этот раз, на Центре кроме нас, были еще две бригады. Ну что ж, скажем так, негусто. Ну и точно, не то, что полежать, даже подымить толком не успел после обеда. Поедем на психоз к девушке двадцати трех лет.

Мама больной встретила нас таким отчаянным плачем с причитаниями, будто что-то непоправимо-трагическое произошло:

⁹ ТЭЛА – тромбоэмболия легочной артерии.

¹⁰ ОНМК – острое нарушение мозгового кровообращения.

¹¹ Мои слова о том, что психические нарушения прекрасно сочетаются с инсультом, не следует воспринимать как обязательность психозов при инсультах. Разумеется, такой обязаловки нет. Просто психические расстройства при ОНМК, не являются чем-то необычным и удивительным.

– Ой, опаять! Опять Мариночку в больницу придется везтии! Опять у нее психоооз!

– Так, перестаньте, пожалуйста! Что вы ее как покойницу оплакиваете?

– Да ведь опаять!

– И что «опять»? Жизнь кончилась, что ли? Ну-ка, прекращайте сейчас же и давайте разговаривать по-человечески! Что у нее случилось? Давайте по порядку.

– Она в прошлом году в ноябре лежала. Но тогда депресия была, ее тоска так накрыла, что она прямо в овощ превратилась. Говорила, что ей уже все равно, потому что ее к смерти приговорили. Потом три месяца отлежала, вышла совершенно нормальная, как будто и не болела. Ей велели в ПНД прийти, а мы подумали, зачем? У нее все прошло, зачем таблетками-то травиться? Ведь они же одно лечат, другое калечат! А с августа все опять началось. Стала всякую дурь нести про то, что она родственница Ванги, что она может будущее предсказывать. В общем, фиг поймешь. А сегодня утром утащила мою карту, там было сорок шесть тысяч, и почти на все деньги накупила дорогушей косметики! Короче, идите, она вам сейчас все сама расскажет.

– Да понятно, что расскажет. Вот только непонятно, чего вы выжидали, зачем время тянули?

– Зачем... Думала, что подурит, перебесится, и все пройдет.

Худенькая, невысокая, с черными растрепанными волоса-

ми, в черной футболке и черным маникюром, она с ногами сидела на кровати. Весь ее вид говорил о том, что она вела доверительный диалог с кем-то близким, а мы, к великой досаде, им помешали.

– Ой, ну что вам надо-то? – недовольно спросила она. – Вас мать что ли вызвала?

– Марина, сейчас мы все расскажем. Давайте пообщаемся.

– Ну давайте! – с неожиданной готовностью ответила она. – Только я не Марина, а Огненный Водолей. Я родственница Ванги и поэтому у меня такой же, как у нее, дар ясновидения. Но я во многом ее превзошла!

– Извините, перебую, а почему вы решили, что Ванга – ваша родня?

– Ну я же родилась тридцать первого января, так же, как и Ванга.

– Да, если так, то конечно. И в чем же выражается ваш дар ясновидения?

– О, много в чем! Например, я же знала, что вы приедете, и меня в психушку повезете. Но это все мелочи, ерунда. Все самое главное будет в моей книге. Она однозначно станет мировым бестселлером! Обо мне вся планета узнает, потому что я не просто родственница, а реинкарнация Ванги! Меня выбрали высшие силы, они мне великие мысли дают и, вообще, ведут меня. Но для начала я должна уничтожить троих человек.

– Так, а вот с этого момента, давайте поподробнее. Во-

первых, как уничтожить? Физически?

– Ну само собой, физически! Мне еще не сказали, кого конкретно. Так что пока подожду.

– Все понятно. Давайте-ка, Марина, вы в больнице подождете этих указаний!

– Ладно, все, я поняла. Дура я, что вам это сказала!

Свезли мы Марину в психиатрический стационар с дежурным диагнозом «галлюцинаторно-параноидный синдром». Хотя, я был больше склонен к синдрому Кандинского-Клерамбо. Если охарактеризовать его попроще, это не только бред и псевдогаллюцинации, но и чувство «сделанности», неестественности своих мыслей и поведения. Ведь Марина сказала, что ею движут некие «высшие силы», с которыми у нее есть ментальная связь. А фундаментом, на котором выстроился этот синдром, судя по всему, было шизоаффективное расстройство. Напомню, что это заболевание представляет собой своего рода гибрид шизофрении с аффективными нарушениями. А Марины аффекты были выраженными: в прошлом эпизоде – депрессивный, в нынешнем – маниакальный. Ну а за столь яркий развернутый бред нужно благодарить Маринину маму. Ведь именно она, вместо того, чтобы сразу забить тревогу, столько времени выжидала непонятно чего. Да и вообще бы не озаботилась, если б Марина деньги не истратила. Но в любом случае, обнадеживает одно: шизоаффективное расстройство, в отличие от шизофрении, не вызывает личностного дефекта.

Так, вот и следующий вызов: психоз у сорокасемилетнего мужчины.

Подъехали к весьма обветшавшему частному дому с облупившейся зеленой краской и некогда красивейшими наличниками. На внешности встретившей нас мамы больного явственно отображался тяжкий крест, который она вынуждена нести всю свою жизнь.

– Опять у него белая горячка. Перед этим весной была, еле выходили тогда. Ой, чувствую, мы на будущий год вообще без огорода останемся. Ведь у меня же рак кишечника, в двадцатом году вырезали и потом сразу вторую группу дали. Мне вообще напрягаться нельзя, а куда деваться-то? Ведь мы живем вдвоем на мою пенсию. А от него какой толк? Он месяц поработает, а потом опять в запой! Идите, сами ищите, где он куролесит. А мне уже надоело все...

Высокий нескладный мужчина в потрепанных штанах и рубахе, не стал дожидаться собственных поисков и сам к нам вышел:

– Идемте, идемте, сейчас я вам покажу, чего творится! – призывно махнул он рукой и привел нас к лазу на чердак. – Давайте, я первый, а вы за мной!

– Нет, Саша, мы никуда не полезем. У нас есть специальная бригада лазунов, мы их потом вызовем. Ты нам просто на словах объясни, что случилось?

– Ладно, короче, три каких-то бабы с детьми к нам забрались. Дети прям маленькие совсем, года по три, наверное. И

они теперь ныкаются, по переменке, то на чердаке, то в подполе! Никак я их не выловлю! Хм, дык вы не полицейские, что ли? – обескураженно спросил он, и на лице его проступила обида, будто у ребенка, жестоко обманутого взрослыми.

– Саня, мы – полицейские под прикрытием. Не переживай, мы все сделаем нормально. Увезем тебя в безопасное место, а сами все здесь разруем!

– Ну только вы это... ну... обязательно! А то ведь мало ли что, дети все-таки!

– Саня, все будет хорошо!

У Саши – классический алкогольный делирий. Пусть он и выживет, но бесследно этот психоз не пройдет. Ведь Белая Госпожа небескорыстно является. В качестве платы за каждый свой визит, она берет если не жизнь, то кусок разума обязательно. И лично мне, разумеется, жалко не Сашу, который сам выбрал свой путь, а маму его, непонятно за что страдающую.

Только освободился, как тут же вызов нарисовался: болит живот у женщины семидесяти семи лет.

Открыла нам дочь больной и весьма встревоженно сообщила:

– Слушайте, я даже не знаю, что с ней происходит! Сегодня прямо с раннего утра живот то схватит, то отпустит. Она уж за это время штук десять <Название известного спазмолитика> приняла. Все ждали, что пройдет, не хотели вас

тревожить. Но вот уже больше часа не отпускает, ничего не проходит. Она уж кричать начала!

Больная, металась по кровати и, сдерживаясь изо всех сил, испускала глухие сдавленные стоны.

– Показывайте, где болит!

– Везде, везде, я даже и не знаю, где точно...

– Тошнота, рвота?

– Да, вырвало два раза какой-то горечью...

– Легче стало?

– Нет, нисколько...

– Стул был?

– Да, нормальный.

– Что ели-пили?

– Да почти ничего я не ела. Геркулесовой каши две ложки с утра. Какая мне тут еда?

– Ну а вчера?

– Ой, ну обычную еду: щи из свежей капусты, макароны с тушенкой, яблоко... Все, ладно, не до этого мне сейчас...

Ну и что мы имеем? Живот при пальпации, как ни странно, мягкий и умеренно болезненный. На кардиограмме ничего криминального нет. Острый аппендицит однозначно исключаем, поскольку окаянный отросток был удален аж в восемьдесят первом году. Почему-то, моя детективно-медицинская интуиция высветила единственным виновником мезентериальный тромбоз, оставив вне подозрений прочую хирургическую патологию. Что это за бяка такая? А это пре-

кращение кровоснабжения, как правило, тонкого кишечника, из-за того, что брыжеечные артерии по какой-то причине закупорились. Венозный тромбоз, думаю отпадает, иначе симптоматика не развилась бы столь быстро. Хотя хирурги могут меня поправить. Ну а больную, разумеется, госпитализировали в хирургический стационар.

И этот вызов оказался последним в моей неполноценно-короткой смене.

А на следующий день вновь приехали мы на дачу. Дождище остервенел совсем, шел с ночи и не думал прекращаться. Но, будучи слабоумным, а потому отважным, отправился я в лес. И ведь не прогадал! Леший, видимо, из жалости к инвалиду умственного труда, дал достаточно много маленьких белых и подосиновиков, а для полного счастья – толстеньких крепеньких маслят. Так что, судя по всему, грибы, хоть и не в срок, но все же изволили появиться. Да, вот таким ненормальным получился нынешний сезон!

Все фамилии, имена, отчества изменены.

Загадочный пациент

Удивительное дело получается. Много раз замечал, что в свои выходные, когда спать можно сколько угодно, по утрам просыпаюсь тяжело, всегда раскачиваться приходится. Но вот когда предстоит на работу идти, никакой раскачки не требуется, встаю бодрым, свежим и деятельным.

Дожди с небольшими перерывами идут и идут. Такое чувство, будто после длительной анурии природа мочегонное приняла, да только дозу не рассчитала.

Под крылечком у медицинского корпуса дымил врач Васильев.

– Здорова, Иваныч! Слыхал, Коля Максимов умер?

– Эх, е! А чего случилось-то?

– Он же разведенный, один жил. Ну и пропал. У него как раз отпуск был, если б на работу не вышел, то мы бы сразу хватились. А так у него из всей близкой родни только сестра. Ну вот она и встревожилась, пошла в полицию. Вчера отыскали. В морге. А тело случайно в кустах нашли, на Щербакова, недалеко от его дома. Видать, шел он там, стало плохо, и в кусты упал. Потом женщина с собакой гуляла. И ведь не зря говорят, что собаки чувствуют смерть. Вот пес туда и ломанулся. Ну а главное-то, у него при себе документов не было...

– А телефон?

– Вот в чем и дело-то, что не было телефона!

– Так может его ограбили?

– Нет, какой ограбили. У него телефон-то всегда был самый дешевый, кнопочный. Кому он нужен? В общем, пролежал он в морге, как неизвестный, больше недели. Завтра в одиннадцать прощание в ритуальном зале.

– Ну а причина-то смерти какая?

– Вроде как ТЭЛА.

– Деньги-то кому сдавать? Как всегда, Андрею Ильичу?

– Ну а кому же?

Доктору Максимову было всего-то пятьдесят четыре года. Внешне он всегда выглядел бодрым, подтянутым, жизнерадостным. Но, поди ж ты, пойми, что скрывается за внешне благополучной маской. Тем более, что Николай Сергеевич был человеком весьма закрытым. Нет, коллектива он никогда не сторонился, но вот до своей личной жизни не допускал никого.

Главный фельдшер Андрей Ильич, занимавшийся какой-то писаниной, посмотрел на меня мутным расфокусированным взором. Нет не потому, что он чего-то употребил с утра пораньше, а исключительно из-за нечеловеческой загруженности, которую обрушил на него главный врач.

– Ой, Юрий Иванович, я тебя сразу-то и не узнал, видать совсем уже с головой плохо.

– Хм, а без головы, думаешь, лучше будет? Вот, пришел денежку сдать Коле Максимову.

– Эх, Иваныч, как же мне надоело это бремя тяжелое, сбор денег на похороны! Ведь за год, я посчитал, у нас уже седьмой покойник!

– Да, Андрей Ильич. И обрати внимание, что люди-то нестарые умирают. А главное, что тяжелых болезней ни у кого не было. Вот только Татьяна Викторовна от рака умерла, а остальные-то?

– Ладно, Юрий Иваныч, не будем о грустном. Тут у Леши Кудряшова, фельдшера, казус случился. Решил он, значит, категорию получить...

– А что, он парень толковый, давно бы надо.

– Надо-то надо, вот только сам знаешь, что у него без ма-та только междометия получаются. Как только стали ему вопросы задавать, он и впал в ступор. Пыхтит, жестикулирует, какие-то звуки издает, а ни одного слова произнести не может.

– Ну так еще бы, ведь человека лишили права говорить на родном языке!

– В общем, председатель сжалилась, разрешила ему повторно прийти в октябре. А я уж его потренирую, как смогу, культурной речи.

Алексей Кудряшов – фельдшер от бога. На битовской бригаде больше десяти лет работает, все знает, все умеет. Врач, под началом которого он трудится, как специалист весьма слабенький. А всеми успешными реанимациями, которых у их бригады немало, он лишь Алексею обязан. Вот только у

Леши один недостаток: матерщинник он знатный. Нет, он матом не ругается. Он на нем разговаривает.

На конференции ничего примечательного не было, выслушали доклад старшего врача да и разошлись с миром.

Первый вызов получили мы, как и положено, в начале десятого. Дали перевозку сорокачетырехлетнего мужчины из ПНД в психиатрический стационар.

Врач Ирина Олеговна, отдав мне направление, пояснила:
– Он какой-то совершенно непонятный. Вроде как дебютировал.

– Извините, перебыю, он первичный, что ли?

– Раньше он у нас лечился по поводу диссоциативного расстройства, но это не в счет. А сегодня вдруг психотикой выстрелил. Хорошей такой, продуктивной. Самая-то непонятность в том, что у него какой-то винегрет получается. Истинные галлюцинации, псевдогаллюцинации, разорванность мышления. А главное-то, он сам сюда пришел и сразу попросил госпитализацию! И ведь он уже с собранной сумкой сюда приехал! Поставила я ему галлюцинаторно-бредовый синдром, пусть в отделении с ним разбираются. Если хотите, пообщайтесь с ним, таким загадочным.

Невысокого роста, жилистый, опрятно одетый мужчина, с нетерпением поджидал нас под дверью кабинета.

– Здравствуйте, я – Комаров. Вы за мной приехали?

– Да, за вами. Давайте-ка мы с вами присядем и побеседуем.

– Нет, а о чем? Я же Ирине Олеговне все рассказал. Она мне сказала, что вы меня просто увезете и все.

– Конечно, увезем, но только сначала все-таки побеседуем. Скажите, пожалуйста, что вас заставило сюда обратиться?

– У меня голоса появились. Они через меня энергию системы Плутона проводят и говорят, чтоб я на новую делюгу раскрутился.

– А эту энергию вы как-то чувствуете?

– Конечно! Это вроде как «приход», руки-ноги будто иглолочками покалывает, тело в струну вытягивает!

– Вы что-то употребляете? А иначе откуда вам знать про «приход»?

– Нет, траву курил, но ничего серьезного не пробовал. Просто с пацанами много раз пересекался, которые на этой теме плотно сидели. Во-во-во! Видели, да? Теперь и к вам прилетело!

– И что что же именно прилетело?

– Белый луч, а в нем красные шарики! Они вам прямо в глаза залетели!

– Ну что ж, очень рад. Не все вам одному «приход» получать, теперь и я бесплатный кайф словлю. Ну а про «делюгу» они что-то конкретное сказали?

– Когда энергия Плутона включается, она через ноги проходит во всю нервную систему.

– Все ясно. Ну а голоса откуда слышатся?

– В основном из головы, но бывают и из живота.

– А давно ли они появились?

– Дня три назад.

– Вы судимы?

– Да, отбыл четыре с половиной за вымогалово, но меня по беспределу закрыли. Стопэ, короче, тут долго рассказывать.

– Ну а сейчас вы не под следствием? С законом-то в каких отношениях находитесь?

– Да что вы ко мне с какими-то ментовскими приколами подкатываете? Вы доктор или опер?

– Ладно, не огорчайся! Все, проехали и на больничку поехали!

Было очень заметно, что господин старательно воспроизводил где-то прочитанные симптомы шизофрении. Нет, не само заболевание, а именно отдельно взятые симптомы. Да и те, скажем так, не совсем правильные. Он продемонстрировал истинные галлюцинации («луч с шариками»), которые для шизофренического процесса совершенно нехарактерны. Одним словом, слабоватым он оказался, чтоб воплотить столь грандиозную задумку. Ведь для результативной симуляции госпожи Шизофрении нужно обладать не только глубочайшими знаниями по психиатрии, но и недюжинным актерским талантом.

Может возникнуть вопрос: а зачем же везти его в больницу, если симуляция и так была очевидной? Прежде всего,

он заявил об императивных галлюцинациях, заставляющих его совершить нечто опасное. Кроме того, симуляцию можно диагностировать исключительно по результатам детального обследования, но уж никак не путем мимолетной беседы. Ну а самое главное, не считаю я собственное мнение истиной в последней инстанции и поэтому вполне допускаю ошибочность своих выводов.

В стационар мы добирались долго, то в пробках, то на ж/д переезде стояли.

– О, шестая бригада, кормильцы вы наши! – поприветствовала нас дежурный врач Горелова. – Без работы нас никогда не оставите! Хотя и из районов последнее время недуром везут.

– Давненько вас не видно было, Марина Геннадьевна! Что новенького, что хорошенького?

– Так, приболела немного. А про «хорошенькое» это прикол такой, да? Ладно, оставим это на вашей совести. Ну а новенькое, как всегда, есть. Из четвертого отделения уволилась Александра Алексеевна.

– Вот это номер! И какая причина?

– Ну какая? Она же одна все отделение на себе тянула. Хотя, там три ставки: заведующий и два врача. А кто в такую нищету пойдет? Кого туда заманишь, но главное, чем?

– И кто ж теперь там?

– Ха, угадайте с трех раз! Я, конечно же! Теперь на два отделения разрываюсь, на свое и четвертое!

– Нет, ну так же нельзя, в конце концов! Главный-то ваш хоть что-то делает по этому вопросу?

– Он только обещать большой мастер. А уж что он там реально делает, это неизвестно.

Да, печально слышать такие новости. Четвертое отделение занимается лечением неврозов. В свое время, оно славилось на всю область, попасть туда было мечтой многих пациентов. Каких только видов психотерапии там не проводилось! Но потом все засохло и зачахло. Доктора старой школы в частную медицину поуходили. И осталась вместо них одна единственная Александра Алексеевна, взвалившая на свои хрупкие плечи столь неподъемный груз. Разумеется, ей было уже не до психотерапевтических изысков. Дай бог успеть хотя бы медикаментозное лечение назначить да мегатонны документации отписать. В общем, упадок сплошной в некогда процветавшем отделении.

Теперь на следующий вызов поедем: болит нога у мужчины пятидесяти одного года. Да, с таким вызовом может справиться исключительно психиатрическая бригада и никто более.

Открывшая нам супруга больного, была весьма встревожена и растеряна:

– Я даже и не знаю, с чего у него нога-то так разболелась? Нигде не падал, все было нормально...

Больной, издавая рычаще-шипящие звуки, катался по кровати, пытаясь найти такое положение, чтоб невыносимая

боль хотя бы поутихла.

– Уколите меня чем-нибудь, не могу больше! Я уж <туе-ву хучу> таблеток перепил, ничего не помогает! Ща мотор встанет!

– Да, сейчас уколем.

Обезболили наркотиком, сделали и дали все, что по стандарту положено. Наконец, поуспокоился наш больной, расслабился. Теперь можно и побеседовать.

– Раньше у вас такое бывало?

– Нет, первый раз в жизни! Побаливала, конечно, но уж не так, как сегодня. А еще она у меня в последнее время мерзнуть стала. Дома тепло, а нога ледяная, того и гляди, обморозится!

Ну и что мы имеем? Нога бледная, наощупь холодная, пульсации нигде нет и в помине. Артериальный тромбоз налицо. Сосудистые хирурги, конечно же, видоизменяют этот диагноз, конкретизируют его, но для меня, мягко говоря, непрофильного специалиста, и этого вполне достаточно.

Вот и пообедать разрешили, а то уж давно пора. Но, до Центра еще и добратся надо. Пробки и пробки кругом... Мотоциклист, лавировавший между уныло ползшими машинами, внезапно включил во мне чувство опы. Ну ты, бар-малей, хоть бы помедленней ехал-то! Но нет, в этот раз, опа оказалась неумолимо-грозной, и его все-таки сбили. Ах ты зараза мотоциклетная! Подбежали, а падший тип уже и встал! Причем самостоятельно, этак резвенько! От осмотра

он отказался, но, тем не менее, его данные я записал, чтоб в ГИБДД сообщение передать. Да, несмотря на то что гаишники по любому приедут на это ДТП, сообщение передать все равно необходимо. А что делать? Уж такие у нас правила, не мной придуманные.

После обеда особо разлеживаться не дали. Через час вызов прилетел: психоз у мужчины тридцати восьми лет. И пикантная приписка: вызывает полиция.

Судя по припаркованным автомобилям, на месте уже работали полиция, коммунальные службы и спасатели. Стоявшие возле полицейской машины три женщины, решительно подошли к нам:

– Так, забирайте его, куда хотите! – ультимативно заявила одна из них. – Вы смотрите, что он наделал, скот!

– И что же он сотворил?

– Открыл кран в батарее и всех горячей водой затопил! Четыре этажа! Кто нам все возместит, а?

– Это все понятно, а скорая-то тут при чем?

– Что значит «при чем»? Вы все очень хорошо устроились, с себя ответственность снимаете! И вы ни при чем, и полиция, одни сплошные непричемыши! А этот скот над нами всеми куражится, как хочет! Он уж третий раз до белой горячки допивается! Эх, жалко, что моего сына дома не было!

– Так, мы все поняли, сейчас разберемся!

Один из полицейских нам рассказал:

– Нас соседи вызвали. Он же тут прям настоящая звезда, никому скучать не дает! Сказал, что какие-то мужики приказали в батарею кран открыть. Ну он и подчинился, открыл. Потом начал во все квартиры ломиться, типа эвакуацию проводить. Пил он последний раз позавчера, на данный момент, дезориентирован. Думаю, что у него алкогольный делирий.

– О как! Не иначе у вас есть медицинское образование?

– Да, я медколледж закончил, фельдшером на ФАПе немного поработал. Потом в полицию пришел, а в институте МВД я еще и судебную психиатрию изучал.

– Спасибо, вы действительно грамотный специалист!

Злодея вывели из полицейского автомобиля. Мокрый и дрожащий, он являл собой чрезвычайно жалкое зрелище. Привели его в свою машину, печку включили и начали беседу беседовать.

– Ну что, Алексей, рассказывай, что ты там начудил?

– Да ничего я не чудил! Ко мне пришли четыре бойца из секретного десятого полка...

– Извини, перебыю, а они сами так представились?

– Нет, зачем представляться, это и так понятно. Ну вот, они сказали, что в систему отопления залита не вода, а взрывчатка. И если ее не слить, то весь дом взорвется. Потом двое сразу под ванну спрятались, а двое в телевизор залезли. Я кран открыл, пусть, думаю, льется! Тут уж ни до чего, уж лучше пусть шмотки пострадают, чем люди! Ведь правильно же, да? Ну вот, пока текло, я побежал соседей преду-

преждать. А в пятьдесят третьей какой-то придурок мне по <хлебалу> дал! Да вообще, они все придурки! Вместо того, чтоб скорей на улицу бежать, они давай меня оскорблять и «посылать»! Идиоты, блин, конченные!

– Да, и не говори... Вот что значит черная людская неблагодарность!

– Во-во, а мен..., ой, полицейским я сразу сказал, что в батареях была взрывчатка. Не, точнее ракетное топливо, за-был, как называется... Ну ладно, <фиг> с ним. Короче, из батареи как потекло, я сразу врубился, что это не вода. Там такая вонь пошла едкая, думал, задохнусь. Я, наверно, легкие себе сжег! А меня же и забрали!

– Ладно, не переживай, подлечишься, все нормально будет!

Да, вот и еще одна жертва алкоголизма. Соседей этого деятеля, разумеется, жалко, но, ничего с ним поделать нельзя. Советская система ЛТП (лечебно-трудовых профилакториев) давным-давно разрушена, но взамен ее не создано ничего. Мне могут возразить, мол, толку-то от этих ЛТП никакого не было, люди как пили, так и продолжали пить. Пусть так, но зато окружающие могли года два отдохнуть от алкоголика, доставшего их до глубины души.

Теперь поедem к мужчине пятидесяти лет, которого избили.

В квартире весьма притонистого вида встретили нас две дамы такой же внешности.

– Идите, его порезали!

– Как «порезали»? У меня же написано «избили»?

– Ну правильно, он его сначала избил и убежал. Я вас вызвала. А потом он вернулся, ножом его ткнул и опять убежал!

И вновь включилось во мне мерзкое чувство опы.

Пострадавший сидел на диване держась за грудь и тяжело дышал. Он был в сознании, но оно могло уйти в любой миг.

– Командир, сейчас загнусь... Помогите, а?

– Поможем, поможем обязательно!

Слева, как раз в области верхушки сердца, была колото-резаная рана. Давление сто на семьдесят, пульс, как и положено, частит. Дыхание учащенное, поверхностное. Дали кислород, стали щедро лить, разумеется, с вазопрессорным препаратом. Пока мои фельдшеры искали носильщиков, поинтересовался:

– За что тебя так?

– Не, старый, это наши дела, не надо ничего... Оль, Ларис, если сдохну, скажите Шраму и Веселому, что я никогда никого не сдавал! Никогда и никого!

К счастью, довели без приключений.

Следующий вызов ждать себя не заставил: психоз у мужчины двадцати шести лет. И опять вызывает полиция.

Лица родителей были бледными и скорбными. Мама рассказала:

– Он уж третий год болеет. Четыре раза в больнице лежал. Он же отдельно от нас живет, не можем мы его постоянно

контролировать, лекарства-то он, скорее всего, не принимает. А жить с ним невозможно. Он нас или поубивает, или просто в могилу сведет. Сегодня вдруг к нам прибежал босиком, в шортах. Злой, прямо озверевший, а главное, с ножом! Отца начал оскорблять по-всякому. Вообще непонятно, за что он на него взъелся и алкашом его обзывает? Нет, он выпивает, конечно, но уж точно не алкаш!

– Я же бывший полицейский, – сказал отец. – Уронил его, ремнем связал и полицию вызвал. Как раз наши парни приехали из батальона ППС. И мне, кстати, непонятно, откуда у него блатной жаргон появился? Ведь он же несудимый, никогда с блатотой не общался. У него высшее финансовое образование, до болезни в банке работал. Болезнь виновата, что ли?

– Нда... Пока трудно сказать.

Больной сидел на диване под строгим надзором двух полицейских. Лицо неживое, как маска, ни единой эмоции.

– Здравствуйте, Николай, что случилось, расскажите.

– А вы у этого алкаша спросите!

– Ну и за что вы его так?

– За то, что он мелкая, ничтожная личность. Такие на тюрьме под шконками живут! И это существо еще и воспитывать меня пытается! Да он и сейчас пьяный, вы что, не видите, что ли?

– Вот представьте себе, не вижу. Мне непонятна ваша, мягко говоря, нелюбовь к нему.

– Ну нет, нельзя сказать, что я не люблю отца. С чего вы так решили?

– Скажите, а вы нуждаетесь в лечении?

– Да, выходит, нуждаюсь, но это ненадолго. На Земле появились два кольца, и теперь все будет по-другому.

– А от чего вам нужно лечиться?

– Не знаю, это папа так сказал. Я, в общем-то, согласен.

– Вот и хорошо. А какие-то планы на будущее у вас есть? Вот вы пролечитесь, выпишетесь, а дальше, чем будете заниматься?

– У нас в городе есть спортивное братство, там нормальные пацаны. Я же раньше по-серьезному в футбол играл. Так что они меня не бросят и смотрящим поставят.

– Ну что ж, замечательная должность. И что же вы будете делать?

– Посмотрим, как на барабанах жизнь будет идти. Все еще впереди. Все будет по-другому.

Поскольку документов с диагнозом у них не было, могу предположить, что Николай страдает параноидной шизофренией. Строительный материал шизофрении – схизис, он же расщепленность и разорванность психических процессов, ярче всего выразился в двойственном отношении Николая к отцу. В нем сочетались прямо противоположные чувства: он ненавидит отца, считая его алкашом, мелкой, ничтожной личностью и вместе с тем, любит его и признает его авторитет. Нет, он не метался между любовью и ненавистью.

Они в нем просто мирно сосуществовали. Вот в этом-то как раз и заключается отличие здоровой психики от шизофренической. Да, психически здоровый человек так же может испытывать прямо противоположные установки. Но при этом, он мучается выбором и внутренней борьбой. А вот у больного человека никакой борьбы нет, эти противоположности его не мучают, а спокойно живут, как хорошие соседи в коммуналке. Нормальные психические процессы являются единым механизмом, все детали которого взаимосвязаны. Тогда как у больных шизофренией такого единства и взаимосвязанности нет, их механизм разлажен.

Вот и закончилась моя смена. Наркотики сдал, планшет передал сменщику, переоделся и пошел. И уже на остановке меня прострелило: сообщение-то в полицию по ножевому ранению я не передал! Так и пришлось возвращаться. Достаточно далеко, но для бешеной собаки семь верст – не крюк!

А на следующий день, в лесу меня встретил расцвет грибного сезона. И как же я пожалел, что взял лишь небольшое восьмилитровое ведерко! Но выручил меня большой пакет-майка, с незапамятных времен, лежавший в моей лесной сумочке. Белых грибов было столько, что ведро и пакет собирали достаточно быстро. А затем неимоверным усилием воли заставил себя повернуть обратно на выход. Ведь было бы большей трагедией найти еще неисчислимое количество грибов, которые, при всем желании, не возьмешь: куда их класть-то? Да, ненормальным стал лес в этом году. Ведь ко-

гда такое бывало, чтоб грибной сезон в октябре только начинался? Но ничего, будем надеяться, что к будущему году, погода, лес и Леший от своей ненормальности избавятся. Хотя исключать рецидив я бы все-таки поостерегся.

Все фамилии, имена, отчества изменены.э

Безумный психиатр

Вот и иссякла золотая осень. Унылым стал город, холодным, неудобным. Деревья с кое-где не опавшей желтой листвой, смотрятся неопрятно, неряшливо. Хоть и держится относительно тепло в плюс семь, но к прогулкам эта грустная серость как-то не располагает. По этой-то причине, от остановки до работы прошел я быстрым шагом.

А скорая встретила меня нешуточными разборками у туалета.

– Да это что такое творится-то, а?! – обратилась ко мне уборщица Елена Ивановна. – Вы посмотрите, что тут наделали! Ведь все везде обо*рали и обо*сали!

– Дык это ж в натуре не я, начальник! Отвечаю, век воли не видать! Я ж только сейчас на работу пришел! Зачем на меня чужую делюгу вешаешь?

– Ой, Юрий Иванович, да при чем тут вы? Здесь такие дела серьезные творятся, а вы прикалываетесь! Да обо всем случившемся нужно бить во все колокола!

– Хорошо, сразу после нашего разговора пойду бить.

– Кого?

– В колокола, естественно.

– Да ну вас на фиг, Юрий Иванович!

Тут подключился к диалогу фельдшер Наумов:

– Юрий Иванович, а вот если рассудить дедуктивно, то что

получается? Посторонние сюда не ходят. Значит, остаются только коллеги, причем из нашей второй смены. Ведь дело-то было сделано утром, примерно в пять тридцать, когда новая смена еще не пришла.

– Ну слушайте, Алексей Василич, может, у того неизвестного коллеги авария случилась, не успел на унитаз вскочить? Зачем уж так сурово-то?

– Не-не-не, Юрий Иванович, никакой аварии! Там был направленный выстрел в стену! Она вся обгажена! Ну а потом, там же все так обо*сано, как будто из шланга поливали и туда-сюда мотали!

– Так ведь можно запись с камеры посмотреть, кто в это время входил-выходил?

– Нет, ничего не получится: в этом месте как раз мертвая зона.

– Да, конечно, странно все это. С одной стороны, все люди у нас вменяемые, маргиналы с дегенератами здесь не работают. А с другой – ведь кто-то же это все-таки сотворил? Но, как бы то ни было, а преступление так и останется нераскрытым...

Объявили конференцию. Как всегда, выслушали доклад старшего врача предыдущей смены. Когда тот дошел до инфарктов, главный вспылil:

– Ну что за е... эээ за безобразие такое, а? Шесть инфарктов и нигде не выполнен тромболизис! Опять, что ли, начинается?

– Ну так, наверное, противопоказания были, вот и не сделали? – попытался оправдаться старший врач.

– Слушайте, Дмитрий Алексеич, а к чему вы мне это сказали? Вы же сами отлично знаете, что противопоказания к тромболизису должны быть подробно обоснованы в карточках. И мы с вами оба знаем, что ни черта там не написано!

Покраснел старший врач аки двоечник у доски и не нашелся, что ответить. Ну а главный подвел суровый итог:

– В общем так, коллеги, разговор на тему игнорирования тромболизиса, у нас с вами был в декабре прошлого года. Сейчас опять все повторяется. Поэтому, вот прям с сегодняшнего дня, начинаем жесткий контроль. Если тромболизис не будет сделан, а в карте ничего не расписано, то тогда не обессудьте. Все, хватит, мне уже надоело!

Хоть и поднимал я эту тему неоднократно, но все же напомним, что тромболизисная терапия – это введение специального лекарственного препарата, растворяющего тромб. Разумеется, такое пояснение является крайне упрощенным. В действительности же, здесь далеко не все так просто. Да, подавляющему большинству «инфарктных» пациентов, тромболизис несомненно нужен и полезен. Однако не стоит сбрасывать со счетов и меньшинство, когда всяка бяка может приключиться. Но, от озвучивания каких-либо выводов воздержусь. Вместо них, скажу лишь одно: меня полностью устраивает, что нашу психиатрическую бригаду не обязывают выполнять это действие.

Первым же вызовом была боль в груди у женщины сорока трех лет. Нет, все, прекратил я свои возмущения непрофильными вызовами. Ибо окончательно смирился с ними и теперь воспринимаю, как нечто естественное. Лишь бы только роды не давали, а со всем остальным при помощи профессионализма и такой-то матери, как-нибудь справимся!

В ухоженной и прекрасно обставленной квартире царило форменное безобразие. Точнее сказать, потоп со всеми, так сказать, вытекающими последствиями. Уж простите за такой каламбур. Встретили нас крайне возмущенные супруги.

– Вон, видите, какая красота у нас творится? – гневно сказала она, указывая на окружающую обстановку. – Эти верхние уроды поставили душевую кабину и что-то не так сделали. Ну и водопад случился. Ой, боже, боже мой, в какую беду мы попали!

– Это мы поняли и вам сочувствуем, ну а скорая-то зачем нужна?

– Ой, да у меня от всего этого что-то сердце защемило. Не сильная боль, а какая-то ноющая. <Название общеизвестных «сердечных» капель> не помог, все равно ноет и ноет.

– А давно ноет?

– Да уж часа два, наверное.

Вот и выползла лента из кардиографа. И ничем она не порадовала. Сразу бросились в глаза отрицательные зубцы Т и депрессии сегмента ST. Нет, бедолага сегмент не расстроился, погрузившись в унылое настроение. Депрессия – его сме-

щение ниже изолинии, говорит об ишемии миокарда. Если сказать проще, то сердечная мышца не получает достаточно-го количества крови. Сделали тропониновый тест, но, к счастью, результат был отрицательным. А это вселяло определенную долю оптимизма.

– Ну что, Ирина Николаевна, сейчас мы вам помощь окажем, а потом поедem в кардиодиспансер.

– Ой, господи, а что у меня инфаркт что ли?

– На данный момент, говорить об инфаркте преждевременно. Но сердечко подлечить нужно именно в стационаре.

Выставил я Ирине Николаевне «Острый коронарный синдром без подъема сегмента ST». Такой диагноз ставится на догоспитальном или раннем госпитальном этапе, пока нет возможности сделать окончательный выбор между инфарктом и нестабильной стенокардией.

Следующим вызовом был психоз у мужчины сорока восьмилет.

В прихожей нас встретила пожилая женщина – мама больного, настроенная весьма решительно:

– Так, забирайте и увозите этого паразита! Второй день меня донимает, надоед хуже горькой редьки! Ведь это что такое-то, со вчерашнего вечера колобродит! Почти не спит, с кем-то ругается, кого-то обзывает, угрожает!

– А если поточней, с ним что происходит-то?

– Ой, ну понятно что, белая горячка! Уж не грипп же!

– Ну а почему раньше не вызвали?

– Да понимаете как... Обычно он как раздурится, я ему выпить налью, и всегда помогало. Уснет, проснется, и как будто ничего не было. И в этот раз все ждала, может пройдет, а вот нет...

– Давно пьет-то?

– Давно, считай, всю жизнь! Как начал в девяносто четвертом, когда из армии пришел, так и не прекращает. Ни семьи, ни работы. Пропавший человек, чего уж тут говорить-то...

Больной, находившийся всего в паре метров от нас, разговором о себе ничуть не интересовался. Он активно участвовал в разборках с кем-то невидимым, громко ругаясь, как и положено, матом. Судя по всему, ему были безразличны не только события вокруг, но даже и своя собственная внешность. Сальные нестриженные волосы, клочковатая щетина на одутловатом лице, резкий запах мочи.

– Так, Сергей, а ну-ка, отвлекись! Давай, садись на диван! Садись, садись, сказал! Вот и молодец. А теперь рассказывай, с кем ты тут ругаешься?

– Дык я и сам-то их не знаю, вообще не понимаю, с чего они до меня <докопались>, <средства предохранения, распутная женщина>!

– А чего они от тебя хотят-то?

– Да <фиг> их знает! Просто издеваются и все. Оскорбляют по-всякому, алкашом конченным обзывают. Можно подумать, сами не пьют!

– А есть такие, кто тебя хвалит?

– Есть одна бабенка, но ее <фиг> поймешь. То говорит, что я – самый лучший человек на Земле, то ее от меня тошнит и мою рожу она видеть не хочет! Я уж ей сказал, ты, говорю, определись, чего тебе надо-то?

– Ты их не видишь, а только слышишь?

– Не, ни разу не видел.

– А откуда они слышатся?

– Откуда-то сзади.

– Понятно. А ты не пытался выяснить, кто они такие?

– Да откуда я знаю? Что они мне, докладывают, что ли?

– Они тебе угрожают?

– Да, говорят, на счетчик поставим, только за что, непонятно. Придется, наверное, в ментовку идти. Я же чувствую, что они с меня просто так не слезут.

– Сергей, а ты никогда не думал, что все эти «голоса» идут от болезни?

– Нет, а при чем тут болезнь? Я что, «шизик» что ли?

У Сергея – классический алкогольный галлюциноз. Нет, не делирий с псевдонимом «белка», а другой вид алкогольного психоза. Алкогольный галлюциноз развивается исключительно у ветеранов алкогольного движения, головной мозг которых значительно поврежден энцефалопатией. Начинается он обычно внезапно и, в подавляющем большинстве случаев, приобретает хроническое, затяжное течение. В отличие от делирия, зрительных галлюцинаций, как правило, не бывает. А «голоса», в отличие от шизофрении, слышатся

не из собственного тела, но всегда откуда-то извне. При этом у больных имеется бредовая трактовка галлюцинаций и ни о какой критике к болезни, разумеется, речь не идет. Лечение всегда долгое и трудное, а если откровенно, то зачастую безуспешное. Ведь залогом успеха является полный отказ от алкоголя. Но в отношении таких Сергеев подобное условие, конечно же, невыполнимо. Во всяком случае, я уже большой мальчик и в сказки давно не верю. В итоге увезли мы больного в наркологию, давно ставшую ему родным домом.

Ну что, уже второй час, надо бы и пообедать. Говорят, иногда полезно. Все, разрешили, едем на Центр.

Пообедали ну и как всегда на боковую залегли. А с боковой вызов поднял. Поедем перевозить больную сорока одного года из ПНД в областную психиатрическую больницу.

Врач Галина Андреевна, передав мне направление, пояснила:

– Параноидная шизофрения, непрерывное течение. Сене-сто-ипохондрический бредовый синдром. Больная проблемная, у нас второй год наблюдается. Убеждена, что у нее кишечник не работает и весь организм отравляет. Обошла всех врачей, кого только можно. В Москву сто раз ездила. Да ладно в Москву, она аж до Военно-медицинской академии в Питере добралась! В общей сложности накопила две огромных папки меддокументации. Пришла к выводу, что все врачи сговорились и хотят ее погубить. В нашем стационаре много раз лечилась, на полгода, как минимум, помогает. Хотя как

помогает? Бред хоть полностью и не купируется, но во всяком случае не так сильно ее донимает. Научилась она с ним сожительствовать. До нового всплеска, когда дальше терпеть уже сил нет. Сегодня сама пришла и попросилась в свое любимое тринадцатое отделение.

– Понял, сейчас увезем!

Больная, миниатюрная, худенькая, напоминающая девочку-подростка, сидела пригорюнившись в фойе. Возле нее стояли две огромные клетчатые сумки. Да, сразу видно, что пациентка опытная и к долгому лечению подготовилась основательно.

– Здравствуйте, Наталья Васильевна! Что вас беспокоит?

– Ой, да я уже устала одно и то же рассказывать. Толку-то что? От вас же все равно никакой помощи не дождешься. У меня кишечник не работает и весь организм отравляет. Вот, видите у меня на лице – угревая сыпь...

– Ну уж «сыпь» – это громко сказано. Если специально не присматриваться, то ничего и незаметно.

– Слушайте, доктор, ну я же не глупый ребенок, в конце концов! Я пока еще не слепая, вижу своими глазами, как на меня люди реагируют. Все, буквально все от меня шарахаются, как от зачумленной! Я вообще изгоем стала!

– Понятно. Ну а с кишечником что не так?

– Да это давно все началось, года три назад. Я тогда воспаление легких перенесла и принимала плохие таблетки да еще и уколы...

– А что значит «плохие»?

– Плохие – это антибиотики, потому что они губят кишечник. И вы, как врач, должны бы это знать!

– Но ведь миллионы людей их получают и...

– Доктор, да не верю я всем этим вашим рассказам, и даже не старайтесь! Дайте уже я доскажу, ведь сами же просили! Ну вот, а после этих долбанных антибиотиков у меня все и началось. Кишечник резко сместился назад, к позвоночнику, можно сказать, вжался в него...

– А как вы об этом узнали-то?

– Ну как, почувствовала, конечно! У меня очень четкое ощущение, что кишечник сдавлен, буквально вжат в позвоночник. А кроме того, у меня прямая кишка стала твердая, как деревянная! Я теперь стараюсь садиться медленно, а иначе очень опасно: я же просто проткну сама себя! А из-за того, что кишечник не работает, перестали выводиться шлаки. Поэтому весь организм уже отравлен. Ох, куда я только не обращалась, где я только не лечилась! Да и вообще, я давно поняла, что все врачи на мне крест поставили и ждут не дождутся моей смерти. Вот только по правде сказать, лечение в психбольнице мне больше всего помогает. Не насовсем, конечно, но хотя бы на полгода полегче становится. Хотя в этот раз вряд ли что получится, все это бесполезно. Ладно, вот уж когда из больницы выйду, пойду к остеопату. У меня на него последняя надежда. Я бы уж давно к нему обратилась, но пока с деньгами серьезный напряг. Ну а если не

получится, то и жить мне дальше незачем. Решение я уже приняла.

Да, диагноз Натальи Васильевны был полностью обоснован. Приставка «Сенесто» означает, что больную беспокоят сенестопатии – необычные, странные ощущения в теле. Помните, как она сказала, что ощущает вжатие кишечника в позвоночник и ставшую твердой, как деревянной, прямую кишку? Ипохондрический бред выражается в твердой убежденности, что страдает она смертельным недугом. Бред, в отличие от заблуждений, подобен огромному гранитному монолиту, который так просто и на миллиметр не сдвинешь. Прочитав беседу с больной, вы и сами могли понять, что переубеждать ее совершенно бесполезно. Даже и пытаться не стоит. А кроме того, явственно уловил я ни с чем не сравнимый шизофренический аромат. Расщепленность психики была как на ладони. Наталья Васильевна утверждает, что все врачи с нетерпением ждут ее смерти, но вместе с тем, сама просится на стационарное лечение. И даже более того, признает, что оно ей помогает. А в довершение всего она монотонна и неэмоциональна.

Один из читателей как-то попенял мне, мол, такое чувство, что в вашем городе из всех психических болезней есть только шизофрения. Ну что я могу сказать? Ведь мы же не в магазине работаем, где из богатого ассортимента можем выбрать любой понравившийся товар. Поэтому берем только то, что есть, и нас не спрашивают, нравится-не нравится.

В приемнике психиатрической больницы пришлось дожидаться своей очереди: перед нами была бригада из отдаленного райцентра. Но вот из-за двери послышались возмущенные голоса, и мужчина то ли врач, то ли фельдшер вместе с пациентом вышли.

Дежурный врач Оксана Владимировна была раскрасневшейся и сердитой.

– Вы представляете, фельдшер из района привез отравление грибами! Ну это как вообще?

– Хм, как интересно! А что хоть за грибы-то?

– Грибы мухоморы. Он их нажрался, чтоб с миром духов пообщаться. Где-то прочитал, что древние жрецы так делали.

– Ну и как, общение удалось?

– Не знаю, не спрашивала, но он дезориентированный, весь какой-то суетливый. Фельдшер сказал, что галлюцинировал, но пока везли, видимо прошло. Ну а для полного счастья – понос, рвота и брадикардия. Но ведь дело-то в том, что психоз возник не сам по себе, а вследствие интоксикации. При чем тут психиатрия вообще? Его надо было не сюда за сотню километров везти, а в свою ЦРБ, в терапию, интоксикацию убирать!

– Да, все это понятно, вот только с фельдшерами в районах никто не занимается, так и варятся они в собственном соку.

– Ну нет, Юрий Иванович, не скажите! Это базовые вопросы

тактики, их должен знать каждый скорпомощник. И неважно, где он работает: в далеком райцентре или в Москве!

А теперь поедем на пьяное тело, которое изволило лежать в кустах возле почты. Нет, в карте вызова так не было написано. Там, как и положено, все по культурному: «Мужчина 40 лет, без сознания». С чего же я решил, что там именно пьянь? Да всего лишь из собственного опыта. Ну а кроме того, не сработало во мне чувство опы.

Ну что ж, сбылось мое предсказание. Пьянецки пьяное тело хоть и не спало, но попыток уползти не предпринимало. Хотя зачем собственно, если лежание в грязной и мокрой опавшей листве намного комфортнее, чем в сухой и теплой постели? А что может быть приятнее холодных капелек воды, падающих на лицо с мокрых кустов? В общем тот господин был настоящим ценителем комфорта.

– А ну нюхай, нюхай, зараза такая! Руки убрал! На, еще нюхай! – командовал фельдшер Виталий, заставляя дышать нашатыркой.

– Э, парни, а вы вообще кто? – сев на задницу, спросил господин. При этом, его пропитый мозг не желал принимать во внимание ни нашу скорпомощную форму, ни соответствующий автомобиль, стоявший буквально перед носом.

– Мы – офицеры Главного разведывательного управления. Ты подозреваешься в шпионаже! – сказал фельдшер Герман.

– Да ладно, мужики, вы чего гоните-то? Вы же скорая! Но

я вас вроде не вызывал...

– Вызвали прохожие, думали, что плохо тебе, раз валяешься.

– А их че, <волнует>, что ли? Я что, у них дома лежу, что ли? <Замотали>, блин!

– Ну тогда, чтоб тебя никто не <заматывал>, придется поехать в вытрезвитель.

– Не, не, какой вытрезвитель! Все, уйду я!

И ушел он, понурившись, гонимый холодным мокрым ветром. Нет, пускать жалостливую слезу мы не стали. Вместо слезопролития поехали на следующий вызов: отек мошонки у мужчины семидесяти семи лет.

Больной, с желтовато-бледным отечным лицом, вышел к нам раскорячившись, с отвисшими штанами.

– Ой, еле иду... Вот ведь напасть-то какая страшная! Уж не знаю и с чего, вроде нигде не студился. Да еще и одышка привязалась, от каждого усилия задыхаюсь. Меня, наверно, к урологу надо? Тут уж понятно, без операции никак не обойтись. Ой, на старости лет под нож ложиться...

Как только снял он штаны, так и накрыл нас приступ острого обалдения. Мошонка, распухшая до безобразия, размером была немного меньше футбольного мяча. Нет, для соответствующих специалистов этот случай, конечно же, не являлся бы чем-то удивительным. А вот наша психиатрическая бригада в полном составе на обалдение имела законное право.

Так, все, дурацкие эмоции, мать их так, разогнал как комариную стаю. И вот тут трезвым рассудком осознал я, что у больного-то анасарка – массивные глобальные отеки по всему телу! И урологическая патология здесь совершенно ни при чем. Но анасарка – это не самостоятельная болезнь, а лишь симптомокомплекс, указывающий на иную тяжелую патологию. На какую именно? В данном случае, причиной послужила декомпенсированная хроническая сердечная недостаточность. Подтверждением тому была безобразная кардиограмма с кардиомиопатией. Проще говоря, вдрызг изношенное сердце попросту не справлялось с работой. Ну а кроме того, были ясно видны рубцовые изменения миокарда. Больной сам подтвердил, что перенес в свое время аж три инфаркта. Но кардиодиспансер посещал нерегулярно, лекарства принимал кое-как, небрежно. Вот и наступил закономерный итог.

– Ну что, Михаил Викторович, собирайтесь, поедем в больницу.

– Дык чего у меня, гангрена что ли? Наверно все вырежут, да?

– Нет у вас никакой гангрены, и никто ничего вырезать не будет. А повезем мы вас в терапию.

– Ой, так значит не под нож меня?

– Нет, Михаил Викторович, не под нож.

– Ой, как хорошо, спасибо вам! А от чего все так получилось-то?

– Из-за сердца изношенного. Вот подлатают вам его, тогда и отеки пройдут.

Разумеется, не стал я правдивый прогноз озвучивать, который, к сожалению, абсолютно безрадостен. Ведь пока нет и не предвидится способов восстановления напрочь убитого сердца. Да, в подобной ситуации помогла бы пересадка, но это лишь фантазии, мягко сказать, не совсем серьезные.

Раньше времени нас на Центр запустили. А если точнее, то почти за два часа до конца моей смены. Но, наученный горьким опытом, я не позволил себе расслабиться и чемоданное настроение отогнал прочь. И, как оказалось, напрасно. Не вызвали нас больше.

На следующий день все было, как всегда. В смысле дача и лес. Хотя не совсем, как всегда. Ночью снежок прошел. Нет, не сугробы, конечно, но так, кое-где белелось. Да еще и дневная температура обещала повыситься до не более плюс трех. Все разумные дачники, включая Федора, сезон давно закрыли до будущей весны. Но поскольку к разумным людям я не имею никакого отношения, то взял ведро и в лес отправился. А по дороге угораздило меня знакомую встретить из деревни:

– Вы куда это направились-то? Уж не в лес ли? – изумленно спросила она.

– Да, вот решил последний разок сходить, с Лешим попрощаться до следующего сезона.

– Дык чего там делать-то? Вон, снег лежит! Если и есть

чего, так все уже перемороженное!

– Ничего, все равно схожу, чтоб не думалось!

– Ну-ну, – сказала она, посмотрев на меня как на умственно убогого.

И вознаградил меня Леший за мое безумство. Набрал я опять, пусть и большееньких, зато крепких и не раскисших польских грибов. Даже три белых попались хоть и не червивых, но чрезмерно пропитанных влагой. Конечно, в изобильный сезон, мимо таких грибов прошел бы не останавливаясь, а тут взял за милую душу! А как же иначе, если это последние лесные трофеи в этом году?

А когда я домой вернулся, супруга в общем-то спокойно отреагировала. Попросила только никому не рассказывать об этом моем походе в лес. Иначе, мол, подумают люди, что психиатр совсем с катушек съехал! Но я же никому ничего и не рассказал, верно?

Все фамилии, имена, отчества изменены.

Ошибаться в людях бывает приятно

Погода будто застыла, зависла на одной и той же температуре плюс два. Беспросветная унылая серость и холодная промозглость. Солнце к своим служебным обязанностям стало относиться по-разгильдяйски: отопление отключило, освещение свело к минимуму. Хотя говорят, что осенью всегда так бывает.

– Здравствуйте, Юрий Иванович! С хорошей погодкой вас! – поприветствовал меня фельдшер Матвеев. – Слушайте, а ведь народ дуреет прямо на глазах! Сегодня ночью на вызов ездили к бабушке, почти девяностолетней, которую внучки фруктовым салатом накормили.

– Ну и что в этом криминального?

– А вот, дальше слушайте. Порезали они туда яблоко, банан, мандарин, вроде еще чего-то, но неважно. И все это намазали сметаной!

– Фу, да это что за извращение-то? Ведь такое даже с голoduхи есть не станешь! И что же было дальше?

– А дальше у бабули случился понос длиною в жизнь. Причем конкретный такой, с гиповолемическим шоком. В общем, еле довезли. Уж не знаю, выкарабкается она или нет.

– Да, Андрей, согласен полностью. Такое чувство, что поразила людей эпидемия глупости...

Объявили конференцию. После доклада старшего врача,

слово взяла начмед Надежда Юрьевна, до этого сидевшая с лицом мрачнее тучи:

– Коллеги, вот уж не думала, что опять придется возвращаться к теме магнезии при гипертонических кризах. Ведь этот вопрос уже сто раз был обмусолен! Да, в стандарте она есть, но объясните, за каким чертом ее делать? Но особенно ее любит Татьяна Геннадьевна! Проверяю карточки, что ни вызов на ГБ, то магнезия! Вот объясните, пожалуйста, вы что, больше никаких других препаратов не знаете или как?

– Ой, да при чем тут мои знания, ведь сами больные требуют ее сделать! – ответила с места фельдшер Шишкина, одна из ветеранов скорой.

– Нет, а зачем вы у них на поводу-то идете? Вы кто, официантка что ли? – парировала Надежда Юрьевна. – Ведь случись чего, отвечать будут не те, кто просил, а вы лично!

– А за что отвечать-то, Надежда Юрьевна? – не унималась Шишкина. – Мы уж сто лет эту магнезию делаем, и ничего ужасного никогда не происходило!

– А за то, что при внутривенном струйном введении может произойти остановка дыхания! И не нужно зарекаться! Вы можете миллион раз сделать без последствий, но однажды произойдет такое, от чего за всю жизнь не отмоешься! В общем так, теперь магнезию делаем только при ОНМК! Надеюсь, что все все поняли и возвращаться к этой теме больше не будем!

И на этом конференция завершилась.

Бригада, которую мы меняем, пока не приехала и это означало, что делать пока нечего. А в этом случае куда податься временно «бомжующей» бригаде? Правильно, в «телевизионку»! Вот зарекался же смотреть федеральные каналы и уж не смотрел незнамо сколько, но тут ничего было нельзя поделать. Ведь не станешь же цензором для взрослых людей?

Что же именно мне не нравится на этих каналах? В первую очередь – агрессивная, жесткая американизация российского общества. Безжалостно искореняется все национальное и, прежде всего, русское: язык, культура и самобытность. Русский язык изгажен англицизмами, точнее сказать, американизмами. Разговорная речь многих наших сограждан стала напоминать диалект русских эмигрантов в Америке. Даже взять для примера песни. Супруга моя смотрит «А ну-ка, все вместе!» по одному из центральных каналов. Так вот, подавляющее большинство песен там исполняется на английском. Да если б только все ограничивалось песнями!

Взять хотя бы названия чего-либо. Нет, в данном случае подразумеваются не иностранные компании, а исключительно наши, российские. Название многих отечественных продуктов питания, тоже на английском. Вот и получается, что русский язык отброшен на задворки и теперь живет на положении бедного родственника. Здесь возникает вопрос: а мы кто, дикари безродные? У нас нет своего языка, письменности, культуры и искусства? Одним словом, мне совершенно непонятно, чем все это вызвано. Мне могут возразить, что

это – общемировая тенденция. Вот только живу я не в каком-то абстрактном мире, а здесь, в России. Прошу прощения за столь длительное отступление от темы, просто высказал наболевшее.

Вот наконец-то и наши приехали, а то уж заездились совсем. Доктор Владислав Витальевич сообщил неприятную новость:

– Юрий Иванович, вчера поверка была, и наш кардиограф забраковали.

– Это как так-то? Он же работал нормально, в ложных показаниях уличен не был!

– Ну вот как-то так. Короче говоря, его мы сдали в ремонт, а взамен взяли «общаковый» с пункта.

– Понятно, значит еще нескоро он к нам вернется. Сначала ремонт, потом повторная поверка. Недели две, не меньше.

– Но это еще не все. Нам новую рацию поставили. И теперь как за город выезжаешь, она пищать начинает. А главное, что и отключить нельзя. Связисту я заявку оставил, но сказали, что он только завтра будет.

– Нда, Владислав Витальевич, умеете же вы позитивный настрой создать!

– Стараюсь, Юрий Иванович! – расплылся он в довольной улыбке.

В десятом часу прилетел первый вызов: носовое кровотечение у мужчины тридцати девяти лет.

В прихожей нас встретила супруга больного:

– Что-то он сегодня вообще расклеился: то одно, то другое. А лечиться вообще не хочет и вас вызывать не разрешал. Упрямый, как осел! Я уж его матери нажаловалась, она его кое-как уговорила. Господи, уж не знаю, что с ним и делать, ведь умрет, сам себя погубит!

Больной, плотный, лысоватый мужчина, раздосадовано сказал супруге:

– Вера, да ну хватит уже! При чем тут упрямый осел? У меня же кровотечение прекратилось, зачем мне скорая-то? Может кто-то ждет врачей и умирает, а ты их гоняешь почему зря!

– Ну это вы зря так. Давайте я вас все-таки посмотрю.

Осмотрел носовые ходы, в народе называемые «ноздры» и глотку. Нет, действительно ничего не течет. Вроде бы и хорошо, но во всех подобных случаях мы обязаны еще и давление измерять. А вот оно-то, родимое, весьма подкачало: сто восемьдесят на девяносто, а для полного счастья еще и тахикардия лупит аж сто двадцать два.

На ЭКГ – гипертрофия левого желудочка. Это означает, что из-за повышенной нагрузки его сердечная мышца «накачивается» подобно заправскому бодибилдеру. Хорошего здесь, конечно, мало, но и нет ничего катастрофического. В данном случае, этот ЭКГ-признак красноречиво говорил о том, что пациент – гипертоник со стажем.

Рассказал я обо всем этом больному и спросил:

– Что вас сейчас беспокоит?

– Ой, да ничего серьезного. Так, голова побаливает, чумная какая – то и тошнит слегка. У меня же такое всегда бывает после ночной смены. Обычно я посплю, расслаблюсь, и все проходит. А сегодня кровь из носа разбудила, да еще и жена панику устроила.

– А вы свое давление контролируете?

– Ну вот, буду я еще ерундой заниматься! У меня теща прям помешана на этом давлении. Она даже специальную тетрадь ведет, представляете? Вот что значит человеку делать нефиг!

– Нет, для вас это не ерунда и не «делать нефиг», а жизненная необходимость. Вам сегодня очень крупно повезло, потому что организм устроил сам себе кровоупускание и давление хоть немного, но снизил. В следующий раз такого везения может и не быть. И тогда все закончится печально: геморрагическим инсультом. Это означает, что сосуд из-за сильного напора порвется и случится кровоизлияние в мозг. Ну что, в больницу едем?

– И рад бы, но не могу. У нас на работе больничные, мягко говоря, не приветствуются. Если я лягу в больницу, то мне там уже не работать. А к этому я пока не готов. Вы просто выпишите мне что-нибудь, и я дома пролечусь.

– К сожалению, назначать лечение мы не имеем права.

– Ну так пусть приедут те, кто имеет право!

– Нет, я имел в виду, что скорая помощь вообще назначений не делает. Но у вас есть другой вариант: обратиться к

терапевту в поликлинику.

– Ладно, попробую...

По его тону было понятно, что никуда он обращаться не будет. Ну что ж, хозяин барин. Конечно же, ничего я ему не назначил, но и без помощи он не остался. Сделали внутривенно ингибитор АПФ для снижения давления и под язык дали бета-блокатор для урежения частоты сердечных сокращений. Вот только гипертонию лечат пожизненно, а не однократно. Мне могут возразить, что при высоком давлении скорая никогда не госпитализирует. Так вот, если имеет место бессимптомное или почти бессимптомное повышение давления, то, разумеется, ни о каком стационарном лечении речи не идет. А вот если имеется гипертонический криз, то тут предложить госпитализацию мы обязаны. Хотя бы потому, что это предусмотрено стандартом.

Теперь поедem на психоз у молодого человека двадцати четырех лет, к которому вызвала полиция.

Пожилая женщина с хронической скорбью на лице – бабушка больного, рассказала:

– Он инвалид детства. Сначала ему умственную отсталость ставили, а потом сказали, что у него еще и шизофрения. Мне говорили, как она называется, но я и не выговорю. Пффрф... Прффр... Да черт ее дер!

– Пфропфшизофрения?

– Да, да, она, зараза такая! Он в школе для умственно отсталых учился, а потом в инвалидском училище на каменщи-

ка. Немного поработал на стройке и под суд попал. Сказали, что на какую-то женщину с ножом напал, отобрал телефон и деньги. Ну вот его в психбольницу и отправили, он там больше года пробыл. В сентябре вышел, поначалу-то спокойным был, а потом снова дурак дураком!

– А родители-то у него есть?

– Есть-то есть, а какой от них толк? У его матери – моей дочери тоже шизофрения, она в интернате живет. А отец вообще непонятно где, не знаю, и жив ли вообще? От него уж давно ни слуху, ни духу. Вот такая обуза мне на старости лет досталась! Нет, все, хватит, в этот раз пока будет лежать, я его в интернат для дураков отправлю! Не надо мне этой опеки и на его пенсию наплевать! Жизнь-то дороже!

– Ну а сегодня-то что случилось? Полицию зачем вызвали?

– Так он же меня чуть не избил! Вот сюда в бок кулаком ударил, но хорошо, что я увернулась и выбежала. А так бы до смерти забил! Соседка Люся меня к себе пустила, и я от нее милицию вызвала. А сегодня с утра ведь что наделал-то? Целую тарелку макарон с тушенкой к себе в постель вывалил и оттуда жрать начал!

Больной, без наручников, сидел на диване, методично раскачиваясь взад-вперед. Рядом, подобно телохранителям ВИП-персоны, стояли двое полицейских.

– Здравствуй, Дим! Что случилось, что тебя беспокоит?

– Ничего не случилось, – не сразу ответил он.

– А зачем ты бабушку ударил?

– Так надо. Че вы меня рисуете? Вы мне шум в голове делаете! – сказав это, больной посмотрел в сторону и расплылся в улыбке.

– Дим, а ты чему улыбаешься?

– А за коном стоит Вова Филатов, анекдоты говорит и картинки кажет!

Нет, «за коном» – это не опечатка, просто Дмитрий так назвал окно.

– Дим, а чем ты вообще занимаешься?

– Как понять?

– Ну что ты вообще делаешь?

– Я богом работаю!

– Надо же, как интересно! И что же входит в твои обязанности?

– А мне дядя Коля Лебедев сказал, что я – бог! Всех, кто меня обижает, я буду убивать! Я их поселю в дом и всех грохну! Нет, я их потом грохну, а сначала я их буду <подробное описание жестоких пыток>!

– Дима, а жалобы на здоровье у тебя есть?

– У меня голова болит вот здесь (показал на виски) и мысли вот так спутались (изобразил пальцами, как все они переплелись).

– То есть, ты считаешь себя больным человеком?

– Нет, никакой я не больной! Такое у всех бывает! Я вообще хотел снять инвалидность, а мне не дали, врачи – <гomo-

сексуалисты использованные>! Я всем <тестиккулы> отрежу!

Да, диагноз Дмитрия совершенно обоснован. Пфпропфшизофрения – это и есть сочетание шизофрении с умственной отсталостью. Хотя такая патология встречается и не так часто, но чем-то экзотическим не является. Пфпропфшизофрения полностью опровергает утверждение, будто шизофрения является исключительно болезнью интеллектуалов. Кстати сказать, попробуйте без предварительной подготовки произнести это чудесное слово! Признаться честно, у меня это получается не всегда.

В приемном отделении психиатрической больницы, Дима вконец расшалился: обматерил и попытался ударить пожилую санитарку. А вот к молоденькой медсестре, наоборот, он отнесся исключительно благосклонно, предложив ей интимную связь. Причем прямо здесь и сейчас, не откладывая дело в долгий ящик. И думаю, вы догадались, что все это было сказано отнюдь не изысканным литературным языком. Правда, перед врачом, весьма недурной молодой женщиной, ловеласничать не стал, видать все-таки понимал, что ему это могло очень дорого обойтись. Но, мои парни не дремали. Всяческих непотребств не допустили и, сопроводив до отделения, помогли положить его на вязки. Однако это получилось не так просто: зарядил Дима Виталию ногой по зубам. И тем не менее, все закончилось благополучно: ни больной, ни зубы фельдшера не пострадали.

Так, уж можно бы и пообедать. Но нет, вызов дали. По-

едем на боль в груди у женщины сорока семи лет. Нет, с непрофильными вызовами я давно уже смирился. Просто непонятна мне позиция нашего руководства, которое вот так просто и непринужденно кидается специализированной психиатрической бригадой.

Больная, худощавая женщина с недовольным лицом, прямо с порога приказала:

– Так, сначала бахилы наденьте!

И тут стали понятны два момента: хороший и плохой. Никакой экстренной помощи здесь не требовалось. И это хорошо. Больная – дама скандальная. И это плохо.

– Что случилось, что вас беспокоит?

– Вот здесь, где сердце, прямо как ножом пронзает.

– Больно только при вдохе или постоянно?

– Нет, только при вдохе.

– Понятно, сейчас ЭКГ сделаем.

А вот тут-то и поджидал нас неприятнейший сюрприз от чужого кардиографа.

– Блин, сплошная наводка, вообще ничего не читается! – раздосадовано сказал Виталий.

– А ты провода расправь, кабель включи-выключи! – посоветовал я, пытаясь ухватиться за тонкую соломинку.

– Да бесполезно все это, – ожидаемо ответил он.

«Ну вот, япона мама, начинается веселуха!» – с досадой подумал я. И точно!

– У вас что, прибор не работает? – настороженно спросила

больная.

– Да, он изломался. Сейчас мы попросим какую-нибудь бригаду привезти нам другой кардиограф.

– Нет, а как же вы едете на вызов с неисправным прибором?

– С утра он был исправен и прекрасно работал. Поломался он только что.

– Да что же там у вас за бардак на скорой? То исправен, то неисправен! Вы свои приборы вообще, что ли, не проверяете? Ездите наугад, повезет-не повезет... Ладно, вызывайте, пусть привозят.

Вызвать-то я вызвал, вот только ожидание обещало быть долгим: ведь бригада же мгновенно здесь не материализуется.

– Да из-за вас и умереть можно... – продолжила она выражение недовольства.

– Не умрете, это я вам гарантирую!

– Это с чего такая уверенность?

– Уверенность, конечно, неполная, процентов на девяносто восемь, но никакой сердечной патологии у вас нет.

– Как вы это можете утверждать, если не сделали ЭКГ?

– Просто по симптомам. Сердце никогда не болит только на вдохе. Уж если оно болит, то постоянно.

– Ну-ну, посмотрим... Ладно, может тогда кофе попьем?

– А знаете, не откажемся!

– Вот конфеты, печенье, угощайтесь, сейчас колбаски на-

режу. И вот салат, я прямо как знала, целую плошку наделала. Так сейчас быстренько котлеты пожарю. Не-не-не, не отказывайтесь, знаю я, как вы работаете, вечно не евши-не пивши-не спавши!

– Спасибо вам большое!

– Скажите, а почему вас трое? Ведь обычно ездят по двое, а то и вообще по одному?

– Да просто мы – бригада интенсивной терапии, так по приказу положено, – привычно соврал я.

– Вон, оказывается, какие серьезные люди ко мне приехали! Слушайте, а может ну его нафиг этот кардиограф, а? У меня уж давно все прошло.

– Да знаете, уж как-то неудобно, бригада уже в пути.

– Ну ладно, подождем. Давайте еще кофейку налью и колбасы подрежу. Ой, а ведь у меня еще и сыр есть! Эх, жалко, у меня ничего горячего нет! Я ведь одна живу, готовить не для кого.

Во, приехали, наконец-то, спасли нас от переедания! Ну что, как и ожидалось, с сердцем у нее все было в порядке. Нет, ну в относительном, конечно. Но экстренная помощь однозначно не требовалась.

– Спасибо вам огромное! Вы уж извините меня за то, что я на вас «наехала»! Просто навалилось на меня все одно к одному. С мужем разводимся, сын под следствием, да еще и до кучи работу потеряла. Вот и срываюсь почем зря, уж и сама-то чувствую, что стала, как собака цепная...

– Не за что извиняться. Вы – очень хорошая, добрая и человечная. И вы даже не представляете, как приятно на душе после общения с вами! А черная полоса обязательно сменится светлой, вот увидите! Бывает, такие беды навалятся, что кажется и не выбраться из-под них. Но потом вдруг наступит день, когда весь этот груз разом испаряется. И такой день для вас обязательно наступит!

– Спасибо, спасибо, никогда я таких слов не слышала... – заплакала она.

– Не плачьте, пожалуйста, все у вас будет хорошо! До свидания!

Да, ошибся я в человеке, и была эта ошибка исключительно приятной.

Наконец-то обед разрешили. Но на сей раз был он для нас, наевшихся-напившихся, совершенно неактуальным. Нет, от заезда на Центр мы, конечно же не отказались. Мы же все-таки психиатры, а не психи. Вот только вместо кухни, мы прямой наводкой в «телевизионку» притопали. Сидевший там среди прочих коллег врач Новиков, спросил удивленно:

– О, это вы только сейчас на обед приехали что ли?

– Да, вот только сейчас.

– Ну, что-то загоняла вас Надежда!

– Нет, Надя тут ни при чем. Просто у нас на вызове кардиограф сломался и ждали, пока девятнадцатая бригада нам другой привезет.

– Эх, там, наверно, ругани было! Жалобу написать не гро-

зились?

– Какую жалобу, больная нас накормила и кофе напоила и, вообще, пообщались мы очень душевно!

– И чем таким вы ей потрафили?

– Да ничем мы не потрафляли. Просто отнеслись по-человечески.

– Ну, знаете, Юрий Иванович, мы вообще-то лечить должны, а не всякими сюсю-пусю заниматься! – возразила фельдшер Никонова.

– Нет, Наталья Викторовна, человечность выражается не в сюсюканье. Это, прежде всего, доброе и сострадательное отношение к другим.

– Ой, Юрий Иванович, я вас умоляю! Вы уж миллион лет работаете на скорой, а рассуждаете, как наивный юноша!

– А почему же «как»? Я и есть юноша, вот только уже давно не наивный.

– Нет, Юрий Иванович, вы такой упертый, что с вами бесполезно спорить.

– Да, что верно то верно.

Так, а чего собственно я тут высиживаю? Телевизор-то можно и дома посмотреть. Нет, пойду прилягу. Спать не обязательно, но хотя бы просто расслабиться. Но получилось так, что не просто расслабился, а взял и самым безобразным образом уснул. И тут случилось чудо, которого уж лет десять не бывало: вызов дали аж в седьмом часу! Поедем аж к трем избитым: мужчине и двум женщинам.

В неопрятной захламленной двухкомнатной «хрущевке», встретило нас замечательное семейство: бабушка и ее дочка с сожителем. По квартире задорно бегал грязноватый мальчонка лет пяти, издавая нечленораздельные звуки. Внешность всех взрослых красноречиво говорила о том, что алкоголизм для них не болезнь, а нечто глубинное, сакральное и жизненно важное. Лишение их алкоголя будет равноценно лишению смысла жизни.

Лица всех троих были ярко подсвечены прекрасными «фонарями». Глядя на них, у меня прямо от души отлегло: ничего страшного не случилось.

– Ну и кто же вас так обидел?

– Да этот козлина из тридцать шестой квартиры! – возмущенно ответила бабушка. – Ворвался к нам, орет: «Вы меня опять пролили!». Угрожать начал, что засудит. Мы хотели ему объяснить, но он слушать не стал, а взял и нас всех избил! Нет, это что за беспредел-то творится? За что нам такие издевательства?

– То есть, вы его не топили, а он ни с того ни с сего на вас накинулся?

– Ну конечно! Ведь не мы же его пролили, просто у нас труба течет. Надо вообще все трубы менять, а где у нас деньги-то? Светка с ребенком сидит, Валерка никак не может работу найти. Мы все только на одну мою пенсию живем да на Павлушкино пособие!

– Ну хорошо, а от нас-то вы что хотите?

– Как это что? Побои снять! Мы его сами засудим!

– Ну нет, это вы не по адресу обратились. Чтобы «снять побои», вам нужно обратиться в полицию, а они дадут вам направление в судебно-медицинскую экспертизу на освидетельствование.

– Нет, что-то я вообще ничего не поняла, – растерянно сказала она, не в силах переварить услышанное.

Тогда на помощь пришел Валерка, ну который сожитель Светкин:

– Дык если у нас у всех сотрясение мозга, вы ничего не сделаете, что ли?

– А с чего ты решил, что у вас всех именно сотрясение?

– Ну как с чего? Он же нас бил по роже, а рожа где? На башке! А значит мозги точно стряхнулись! – выдал он великолепную логическую конструкцию.

– Хорошо, мы вас всех свезем в больницу исключать сотрясение. А потом я сам передам сообщение в полицию. Так годится?

– Да, да, конечно годится! Вот это правильно! – хором одобрил коллектив пострадавших.

И тут мой Герман не удержался от едкого замечания:

– Вот, блин, семейка Адамс!

Но эти его слова были восприняты, как комплимент. Бабушка расплылась в беззубой улыбке и с умилением сказала:

– Да, мы семейка хорошая, дружная! А Павлик у нас – свет в окне!

И тот самый Павлик, прекратив носиться, подошел к нашему чемодану и громко сказал:

– Ыыы! Дай!

– Нет, нельзя, брат Павел, он нам самим нужен!

– Ыыы! Ни-ни?

– Все правильно, ни-ни!

– Сколько ему? – поинтересовался я.

– Пять! – гордо ответила бабушка. – Он хоть и не говорит, но умница, все понимает! Вырастет – далеко пойдет!

Да уж, умница-слабоумница, в пять лет и не разговаривает. И пойдет действительно далеко: сначала в коррекционную школу, если осилит. Ну а дальше, перспективы поистине безграничные. Места лишения свободы, психоневрологический интернат, а может и просто вольная бомжевская жизнь.

Но вместе с тем я всей душой желаю, чтоб эти жуткие прогнозы оказались ложными. И искренне верю в освобождение Пашки из алкашеского плена. Это как раз тот случай, когда лишение родительских прав и изъятие ребенка из семьи является великим благом. И я категорически не согласен с мнением, будто родную мать, пусть даже пьющую и непутевую, никто не заменит. Получается, что маленькому человеку будет комфортней в мрачной и смрадной безысходности? Безусловно нет! Все без исключения дети должны иметь гарантии светлой достойной жизни. Нет, не богатой и пресыщенной, но хотя бы без угроз существованию, без унижений человеческого достоинства, без нужды в самом необхо-

димом. А все иное – от лукавого.

Свезли мы их всех в приемное отделение стационара черепно-мозговые травмы исключать. Ну и, конечно же, исключили. А уж как мы их всех в машине размещали – это вообще отдельная песня. Так еще и Павлика с собой взяли, ведь не оставишь же его одного? Кроме того, для полного счастья, мне предстояло отписать аж три карточки. Да, по карточке на каждого пострадавшего. Ну а до кучи еще и сообщение в полицию нужно было передать. В общем завершение смены быстрым не было. И в итоге, отпустила меня скорая уж почти в девять. Разумеется, вечера.

А на следующий день, стыдно признаться, вновь были дача и лес. Да, зарекалась свинья в грязь ложиться. Хорошо хоть на этот раз свидетелей моего безобразия не было. А в лесу, как ни странно, ждала меня удача: много фламмулины (зимних опять), маслята, польские, лисички, два прекрасных «зонтика». И даже шесть замечательных белых! Ирине на радостях позвонил, рассказал. Так она мне поначалу и не поверила. «Юра, – говорит, – шутки у тебя какие-то неумные! Давай уже возвращайся, хватит перед людьми-то позориться!». Насилу убедил я ее, что не шуткую! Но вот теперь все. Нет, точно все. Тем более, что с послезавтрашнего дня устойчивую минусовую температуру обещали. Ну а на будущий год живы будем, обязательно «оторвемся»!

Все фамилии, имена, отчества изменены.

Кайфовые выходные

Вот и все, прекратил господин Ноябрь прикидываться добреньким. Еще вчера были относительно комфортные плюс семь, а сегодня теплее минус четырех не станет. Да и не только сегодня, а во все последующие дни. Из-за резкой смены погоды, ветер, как заправский дебошир, с деревьев веток наломал, разбросал мусор, пешеходов так и норовил с ног сбить да головные уборы сорвать. Если что, это я себя имел в виду. Ведь чего, гад такой, наделал-то? Взял и кепку мою аккуратно в грязную лужу бросил! Ладно, я мужичонка не гордый, выловил ее, жалкую, грязную и мокрую.

Только вошел и прямо с порога стал очевидцем разгорающегося конфликта. Главный фельдшер Андрей Ильич вместе со старшим фельдшером Еленой Караваевой проверяли укладки выездных бригад. Проще говоря, те самые общеизвестные оранжевые чемоданы. Не реже двух раз в месяц они должны это делать. Процедура эта неновая, даже можно сказать рутинная. И возмущаться тут совершенно нечему. Если, к примеру, в нашем бригадном чемодане нет ни срача, ни просрочки, то почему же мы должны скандалничать и людям нервы трепать?

Но, некоторые коллеги так не считали. Фельдшер Антонова, высокая дородная дама лет пятидесяти, была оппозиционна всем и всему. Представляется, что дай ей пятьсот ты-

сяч премии, то она и тут проявит бурю недовольства. «Ха, каких-то несчастных полмиллиона кинули! Видать, остальные-то пятьсот себе по карманам распихали!».

– Так, знаете что, Андрей Ильич, не надо меня тут козлом отпущения выставлять! – гневно сказала она. – Проверять должны не мы, а те, кто на пункте работают! Тем более, что им за это доплачивают!

– Галина Владимировна, а вот это говорит о том, что свою должностную инструкцию вы вообще не читали. Проверять должны не только на пункте, но и сами бригады! – парировал Андрей Ильич.

– Нет, а почему так-то? Значит они будут деньги получать, а спрос с нас?

– Слушайте, да какая доплата? Ничего они не получают!

– Ну конечно, ага! Я вот прям наивная девочка! Надо же, преступницу нашли, просрочку обнаружили! А ничего, что этот <Название общеизвестного антигистаминного препарата> мы вообще не используем? Да и не только мы, вообще никто!

– Галина Владимировна, он по минздравовскому приказу должен быть. И не играет роли, пользуетесь вы им или нет. Да ладно бы одна ампулка случайно оказалась. Но у вас же семь штук! А потом, вы с чего так-то расстроились? Замените их, да и все, какие проблемы-то?

– А такие, что меня стимулирующих лишат!

– Да никто ничего вас не лишит! Что вы сами себя накру-

чиваете? Все, расписывайтесь в акте и расходимся!

– Дааа? Ага, щас, разбежалась! Я дура, что ли, приговор-то себе подписывать?

– Какой приговор, Галина Владимировна, ведь дело-то выеденного яйца не стоит!

– Все, Андрей Ильич, хватит! Я сказала, что ничего подписывать не буду!

И после этих слов, Антонова величественно удалилась.

Как ни стараюсь, не могу понять людей, которым протест нужен исключительно ради протеста. Ведь Галина Владимировна и сама-то знает прекрасно, что пока еще ни одного работника не наказали за такие нарушения. Да и за что наказывать, если устранить все эти, в общем-то мелкие безобразия, можно за считанные минуты? Вполне возможно, что «протестуны» от всего этого получают внутреннее удовлетворение. Любой конфликт для них, как бальзам на душу. Вот только не понимают они, что сами же себе топор на ногу роняют. Да, препарат с истекшим сроком годности может и не причинить никакого вреда. Однако это не лишает больных и их родственников права на подачу жалобы.

Да что там говорить о препаратах, если пару лет назад больной, заметив по клейму на скорпомощном тонометре, что тот не поверялся уже больше года, тоже не смолчал. Конечно, любая жалоба не является заведомым приговором, но все-таки непонятно, зачем создавать себе проблемы на ровном месте?

На конференции ничего особо примечательного не было. А продолжение театра одного актера в лице Антоновой, примечательным я не считаю.

Всех коллег давно разогнали по вызовам, и только мы остались, единственные и неповторимые. Сидим в «телевизионке», лениво переговариваемся:

– Ну что, сейчас без пятнадцати, – сказал фельдшер Герман, – минут двадцать десятого, наверно, вызовут.

– Да, скорее всего...

Но тут из коридора послышался шум и раздался мужской крик:

– Э, тут все повымирили, что ли? Блин, скорая называется!

Автором крика оказался коренастый мужчина с усами, державший под руку невысокую женщину со страдальческим выражением лица.

– Проходите вот сюда. Так, женщина, вы – на кушетку, а вы подождите в коридоре.

– Ладно, ладно, подожду. Но я на вашего охранника в суд подам! Это что за беспредел? Он нас на машине сюда не пропустил, можно подумать, мы на экскурсию приехали! Где вы понабирали таких придурков?

– Так, уважаемый, мы нигде никого не набирали. Не мешайте, пожалуйста!

Когда скандальный господин вышел, я приступил к расспросу:

– Что с вами случилось?

– Я – начальник почтового отделения. На работе очень сильно понервничала, и мне стало плохо. В груди не боль, а тяжесть какая-то появилась, как будто там какой-то горячий ком. Голова закружилась, в глазах все потемнело. Чувствую, что сейчас сознание потеряю. А тут как раз муж приехал, меня в машину посадил и сюда привез.

– Так почему же вы не вызвали, а сами поехали?

– Ой, да не смешите! Тут сто раз умрешь, пока вас дождешься!

Нет, не стал я вступать в пререкания. Пользы от них не будет, а конфликт спровоцируешь.

Ну и что? На ЭКГ все замечательно. Глюкоза нормальная. Никакой настораживающей симптоматики нет. Давление сто пятьдесят на девяносто. Высоковато, конечно, но и некритично. Однако больная так не считала:

– Да вы что? Что значит «нестрашно»? Для меня это очень много! Я при ста тридцати-то умираю, а тут аж сто пятьдесят!

– Так мы же вас без помощи и не оставляем. Сейчас дадим таблетку и потихоньку снизим.

– Нет, вы издеваетесь, что ли? Какую таблетку? Делайте мне укол!

– Если вам сделать укол, то давление рухнет вообще до нуля. Поэтому никаких уколов.

– То есть, вы мне отказываете в помощи?

– Нет, не отказываем. Таблетку дадим, но уколов делать не будем.

Услышав наш разговор, вбежал муж:

– Наташа, все хватит, не спорь с ними! Кто ваш начальник?

– Старший врач смены. Поднимайтесь на второй этаж, кабинет увидите сразу.

– Свою фамилию назовете?

– Ну уж конечно не скрою: Климов Юрий Иванович.

– Врач или фельдшер?

– Врач.

– Хм, что-то непохоже.

«Да и пошли вы <нафиг>!» – сказал я сквозь зубы им вслед. Но, к сожалению, ушли они не туда, а всего лишь к Александру Викентьевичу.

Все, что положено отписал и понес в диспетчерскую на закрытие.

– Иваныч! – крикнул мне в открытую дверь Александр Викентич. – Что ж ты тетеньку-то не удовлетворил?

– Дык у нее же свой персональный удовлетворитель имеется.

– Ладно, не расстраивайся, она и от меня ушла неудовлетворенной. К главному.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.